

О. Г. Усенко

МОНАРХИЧЕСКОЕ САМОЗВАНЧЕСТВО В РОССИИ В 1762–1800 ГГ. (ОПЫТ СИСТЕМНО-СТАТИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)¹

Хотя проблема российского монархического самозванчества XVII–XVIII вв. привлекает внимание историков уже более 200 лет, она до сих пор глубоко не изучена.

Во-первых, не выявлен и не введён в научный оборот значительный массив архивных данных, ввиду чего точное число самозванцев остаётся тайной. Во-вторых, обобщающих работ по теме нет. Не удостоился интегральной характеристики даже опубликованный фактический материал. К тому же он крайне разнороден: наряду с самозванцами, которым посвящены десятки страниц, имеются и такие, о которых написано всего несколько строк. В-третьих, литература по теме (замечание в первую очередь относится к работам, посвящённым самозванчеству XVIII в.) содержит ряд ошибочных или голословных утверждений, касающихся, например, таких моментов, как принадлежность того или иного лица к самозванцам, мотивы и направленность их социальной деятельности.

Всё сказанное относится и к монархическому самозванчеству 1762–1800 гг., хотя этому периоду российской истории «повезло» больше, чем другим, если судить по количеству публикаций, где упоминаются самозванные носители монаршего статуса.

Данная статья представляет собой исследование деятельности и психологии людей, живших в Российском государстве и выдававших себя за обладателей высшего светского статуса, а также общественной реакции на их появление. В поле зрения попадут лишь лица, которые в период самозванства не просто находились на территории Российской империи, но жили на свободе – хотя бы поначалу, т. е. лица, которые либо родились в России, либо приехали из-за границы по своей воле (не

[с. 290]

были привезены под стражей, как, например, «княжна Тараканова»).

Хронологические рамки исследования мы ограничили 25 декабря 1761 г. (смертью Елизаветы Петровны) и 11 марта 1801 г. (гибелью Павла I).

Научное изучение проблемы началось в середине XIX в. А. И. Вейдемейер впервые сообщил, что помимо Е. Пугачёва под именем Петра III действовали ещё 4 человека, чьи имена, однако, названы им не были, – некий «воронежский сапожник» (конец 1760-х гг.), самозванец, объявившийся «близ Крыма» (1770 г.), беглый крестьянин, записавшийся в казаки и поднявший мятеж под Царицыном (1772 г.) и «сосланный колодник» в Иркутске (ранее 1774 г.)². Последовавшие затем публикации других историков показали, что автор на самом деле рассказал о трёх самозванцах: первые два сообщения относятся к Г. Кремневу (хотя сапожником он не был и действовал в другое время и в других местах), а остальные – соответственно к Ф. Казину-Богомолу и П. Чернышёву.

С. М. Соловьёв привёл сведения о 5 самозванных носителях монаршего статуса, действовавших на территории Российской империи в интересующий нас период. Правда, двум из них (А. Асланбекову и И. Евдокимову) он посвятил лишь несколько строк. Что касается других (Г. Кремнева, П. Чернышёва, Ип. Опочинина), то им было уделено больше внимания, хотя в целом вся информация о них умещается на двух страницах³.

Последнему из названных самозванцев большое внимание уделил А. П. Барсуков. В своём очерке «Батюшков и Опочинин (следственное дело о говорении важных злодейственных слов)» учёный добросовестно изложил основные факты, содержащиеся в следственных материалах, привёл много цитат из документов, снабдив их комментариями. Единственным недостатком работы является отказ автора от обобщающих суждений и сопоставлений И. Опочинина с другими самозванцами⁴.

Три обширных исторических очерка о самозванцах (Ф. Богомолове-Казине, Е. Пугачёве, М. Ханине) принадлежат перу Д. Л. Мордовцева⁵, который, будучи писателем, все же сумел избежать излишней беллетристичности и в целом не отступал от фактов, изложенных в архивных документах и свидетельствах очевидцев. И всё же некоторые из приводимых им сведений являются неточными.

Кроме того, Д. Л. Мордовцев упоминает ещё о двух самозванных «Петрах Фёдоровичах», находившихся в рядах пугачёвцев; имени одного он не называет, а второй фигурирует как «разбойник Фирска»⁶. Судя по тому, что автор ссылается на «Историю Пугачёва» А. С. Пушкина, под безымянным самозванцем скрывается, очевидно, П. Евсевьев (Евсигнеев, Евстифеев), который, по мнению великого поэта, не испугался

[с. 291]

принять на себя имя свергнутого императора, хотя и служил Пугачёву⁷. Что же до Фирски, то А. С. Пушкин отнюдь не называет его самозванцем. Стало быть, Д. Л. Мордовцев допустил здесь явную ошибку. Впрочем, и причисление к самозванцам П. Евсевьева⁸ может быть ошибкой, хотя оно укоренилось в литературе.

Далее, заслуживает быть отмеченным и очерк С. В. Максимова (тоже писателя), посвященный упомянутому выше П. Чернышёву⁹. Очерк содержит важную информацию о жизни и деятельности самозванного Петра III на Нерчинской каторге. Правда, сличение публикации с архивными документами показало, что в ней много ошибок (прежде всего в датах, фамилиях, названиях). Кроме того, неудачно (с точки зрения историка) скомпонован фактический материал – связность повествования достигнута за счёт некорректного соединения сведений о разных периодах каторжного существования П. Чернышёва.

Нельзя не упомянуть о труде Н. Ф. Дубровина, написанном на основе большого количества документов и представляющем собой серьёзное историческое исследование, хотя и не лишённое опять-таки налёта беллетристичности¹⁰. (Последнее замечание касается прежде всего авторской манеры передавать косвенную речь источников через прямую речь персонажей). Хотя основное внимание автор уделяет Е. Пугачёву, тем не менее в книге повествуется и о похождениях Ф. Богомоллова-Казина, причем сообщаются некоторые факты, дополняющие сведения, приведённые Д. Л. Мордовцевым. Правда, и в этом случае имели место фактические неточности и огрехи в расположении материала¹¹.

Новую информацию о М. Ханине сообщил П. Юдин, который опирался на впервые ставшими доступными архивные материалы¹².

Краткие сведения о самозванных Петрах III – предшественниках и последователях Е. Пугачёва – сообщил П. Щебальский. В поле его зрения попали Ф. Богомоллов-Казин, П. Евсевьев, М. Ханин, а также П. Хрипунов и К. Селиванов¹³.

Личность К. Селиванова – лидера скопцов, который выдавал себя одновременно за Бога и Петра III, вызывала интерес у многих исследователей. Ему были посвящены как исторические труды, так и публикации источников самого различного характера¹⁴. Стоит выделить работу Н. В. Реутского, в которой, помимо информации о скопческом предводителе, содержится упоминание о неизвестном доселе его предшественнике на поприще монархического самозванства – В. Сергееве¹⁵.

Важную роль в изучении проблемы сыграли публикации мемуаров и архивных документов, ставшие частым явлением во второй половине XIX в. В большинстве случаев они не сопровождались научными исследованиями, а сами по себе заполняли лакуны в исторических знаниях по теме. Благодаря этим публикациям стали известны новые факты о жизни

[с. 292]

Г. Кремнева¹⁶, И. Евдокимова¹⁷ и П. Хрипунова¹⁸, а также пополнился перечень самозванцев, куда были включены «неизвестный гусарский вахмистр» (Лжепётр III, 1764 г.)¹⁹, «турецкий принц Изек-бей»²⁰, Г. Рябов²¹, И. Мосякин²², И. Андреев²³, Т. Курдилов²⁴, Г. Зайцев²⁵, В. Бунин и М. Тюменева²⁶. Правда, стоит заметить, что по меркам современной археографии многие публикации не выдерживают критики.

Таким образом, в досоветский период отечественной историографии главной задачей исследователей был поиск и введение в научный оборот фактического материала по теме. К самозванным носителям монаршего статуса, действовавшим в России в 1762–1800 гг., были причислены 22 чел. (без Фирски). Другой особенностью этого этапа было то, что наибольшую активность проявляли не профессиональные историки, а литераторы.

В советское время историки взяли своё. Однако по-прежнему главным направлением их деятельности оставалось накопление фактического материала. Прирост необходимой информации был обусловлен прежде всего тем, что активизировалось изучение крестьянских войн, в частности – событий 1773–1775 гг. Правда, львиная доля посвященных ей публикаций источников²⁷ и научных исследований²⁸, содержащих новую информацию по теме, повествует о жизни и деятельности лишь одного царственного самозванца – Е. Пугачёва.

Что касается других самозванцев 1762–1800 гг., то исследователей интересовали главным образом предшественники и в буквальном смысле современники Е. Пугачёва, причём внимание историков обращалось в основном на уже известные фигуры²⁹. И всё же ряду учёных удалось открыть новые факты, а некоторым исследователям – и новые имена, вследствие чего общий список самозванцев вырос на 18 чел.

Так, С. Пионтковский на основе недоступных ранее архивных материалов сообщил новую информацию, касающуюся М. Ханина (без указания его имени), и рассказал о неизвестных доселе самозванных Петрах III – Г. Савёлове, Д. Поповиче, «бывшем солдате Синюшкине» и «купце Петушкове»³⁰. Можно сожалеть лишь о том, что двум последним было уделено очень мало внимания и что их фамилии, скорее всего, искажены (см. ниже).

Если принять во внимание мнение С. Г. Томсинского и А. Н. Когана, то получится, что летом 1774 г. среди участников крестьянской войны было не двое, а трое самозванных Петров III – к Е. Пугачёву и П. Евсевьеву следует прибавить атамана Я. Иванова³¹.

К. В. Чистов и Б. А. Успенский занесли в список российских самозванцев царственного уровня скопческую «Богородицу» А. Иванову («императрицу Елизавету Петровну»). При этом Б. А. Успенский включил

[с. 293]

туда и другую скопческую «Богоматерь» – А. С. Попову («великую княгиню Анну Фёдоровну»)³².

В одной из работ Н. Я. Эйдельмана содержится краткая информация о С. А. Петракове, который, судя по тексту, представляет собой то же лицо, что и упомянутый выше «купец Петушков»³³. Но в таком случае возникает вопрос: какое из двух именовании правильное?

Благодаря А. Ф. Строеву стало известно о таком самозванце, как «принц Палестины Иосиф Абаиси». При этом историк вспоминает и уже известного нам «турецкого принца Изек-бея», называя того почему-то «Изан-беем»³⁴.

Единственной работой, в которой была сделана попытка цельного анализа интересующей нас проблемы, является статья К. В. Сивкова, написанная на архивных материалах из фонда Тайной экспедиции Сената³⁵. Автор, во-первых, привёл ряд новых сведений об уже известных персонажах (в частности, о Н. Сенютине, который ранее неправильно фигурировал как «бывший солдат Синюшкин»), а во-вторых, рассказал о ещё 10 лицах, притязавших на высший светский статус в России в 1762–1796 гг.

Правда, вновь открытым персонажам К. В. Сивков уделил далеко не равное внимание: сведения об одних занимают 1–2 страницы (Н. Кретов, Н. Шляпников, К. Владимиров), о других же – гораздо меньше, часто лишь несколько строк (Н. Колченко, А. Корсакова, И. Соколовский, Ив. Опочинин, О. Шурыгин, И. Никифоров, А. Васильева). Подобная «дискриминация» объясняется тем, что исследователь воспринимал самозванчество как проявление «напряжённой классовой борьбы», поэтому его интересовали только лица, связанные с «какими-либо социальными группами и движениями».

Строгое следование классовому подходу заставляло историка обращать главное внимание не на психологию самозванцев, а на их общественную деятельность и на восприятие их в народе. В результате далеко не все выводы, которые могли быть сформулированы на фактической базе статьи, он смог или захотел сделать (например, не отнёс к возможным стимулам самозванства корысть).

К недостаткам исследовательского подхода К. В. Сивкова следует причислить и следующее: даже в тех случаях, когда автор давал обширную характеристику тем или иным персонажам, он не придерживался единой схемы, поэтому сравнение самозванцев между собой по ряду параметров оказывается невозможным. Наконец непонятно, почему историк оставил «за бортом» самозванцев 1797–1800 гг., ведь заголовок его работы подразумевает рассказ и о них.

Информация по теме исследования, содержащаяся в работах, изданных за границей, как правило, отрывочна, к тому же почерпнута из

[с. 294]

указанных выше публикаций на русском языке³⁶. Лишь одна работа содержит оригинальные сведения – книга Л. Пинго «Французы в России и русские во Франции», благодаря которой список самозванцев пополнил безымянный француз, бежавший с каторги в Россию и выдававший себя за принца из династии Бурбонов. К сожалению, о его похождениях и судьбе известно очень мало³⁷.

Из трудов, написанных зарубежными историками, к обобщающим работам по теме исследования можно отнести лишь статью Ф. Лонгуорта «Феномен монархического самозванчества в России XVIII века»³⁸. Положительной стороной работы является попытка Ф. Лонгуорта подвергнуть изучаемый феномен системно-статистическому анализу. Исследование проводилось по следующим параметрам: социологический облик самозванца (время и место «объявления», взятое имя, социальное происхождение, занятия, грамотность и кругозор, возраст, семейное положение, вероисповедание); распределение случаев самозванчества по периодам и регионам; программы и поведение самозванцев; количество и состав их сторонников; вид и тяжесть наказания за самозванство. Однако выводы историка оказываются или совсем неточными, или крайне приблизительными – как применительно к XVIII столетию в целом, так и к периоду 1762–1800 гг. Автор использовал только данные, опубликованные на русском языке, при этом объём изученных им публикаций был, по-видимому, далеко не полным, поскольку, по мнению исследователя, в России в 1762–1800 гг.

действовало 26 самозванных носителей монаршего статуса. Между тем это число является заниженным, как показывает анализ всей предшествующей историографии. При этом историк причисляет к самозванцам царственного уровня некоего «полковника Тюменева» (тут имеется в виду или упоминавшийся ранее В. Бунин, или же его соратница М. Тюменева), а также Ф. Каменщикова (на самом деле тот выдавал себя не за Петра III, а лишь за его посланца³⁹).

Итак, на сегодняшний день в научной литературе к самозванным носителям высшего светского статуса, пребывавшим в России в 1762–1800 гг., относят 40 чел. (без Фирски). Между тем есть основания полагать, что эти данные не отражают истинного положения дел: с одной стороны, остаётся еще много самозванцев, не известных научному сообществу, а с другой стороны, некоторых правильней было бы исключить из списка самозванцев.

Неоправданное расширение этого списка объясняется тем, что в историографии отсутствует единообразное понимание термина «самозванец» и связанных с ним концептов⁴⁰. Нуждаются в корректировке и многие из имеющихся в литературе сведений о самозванцах. Например, не выдерживает критики утверждение В. Н. Майнова, что К. Селиванов [с. 295]

начал называться «Петром III» ещё до 1772 г.⁴¹ Источники заставляют полагать, что вряд ли это произошло ранее 1780 или 1781 г.⁴² Неправы и те исследователи, которые утверждают, что К. Селиванов после побега с каторги жил до 1797 г. под Москвой в образе молчальника⁴³, поскольку они ошибочно приписывают скопческому «ересиарху» факты из биографии другого Лжепетра III – С. Петерикова⁴⁴ (именно так звучит фамилия человека, неверно именуемого в литературе то Петушковым, то Петраковым)⁴⁵. Целый ряд поправок относится к работе К. В. Сивкова. Во-первых, некоторые самозванцы названы у него лишь по имени и отчеству, а часть фигурирует под псевдонимами или ошибочными фамилиями. Между тем будет не лишним знать, что «И. Евдокимов» – это на самом деле Иев Евдокимов сын Семилеткин, «А. Васильева» – Авдотья Васильева дочь Заварзина, «Иов Мосягин» – Иев Мосякин, а «Н. Шляпников» – Н. Сорокин. Во-вторых, уточнений требуют некоторые датировки. Так, И. Андреев первый раз «объявил» о себе не в 1776 г., а примерно в 1774 г.; М. Ханин – не в 1780 г., а примерно в 1778 г.; Д. Попович – не в 1782 г., но в декабре 1783 г. Впрочем, подобные замечания можно адресовать и Д. Л. Мордовцеву, Н. Ф. Дубровину, и многим другим исследователям.

Кроме того, историография содержит ошибочные или спорные утверждения по таким аспектам проблемы, как мотивы и цели самозванцев и их сподвижников, социокультурные причины самозванчества, факторы, определявшие наличие или отсутствие народной поддержки у самозванцев.

Налицо два подхода к проблеме: одни авторы (П. Щербальский, С. Г. Томсинский, А. Н. Коган, К. В. Сивков, С. М. Троицкий, Е. В. Анисимов, Ф. Лонгуорт и др.) считают самозванцев сознательными обманщиками, выделяя, правда, среди них «народных заступников» и «авантюристов», прочие исследователи (К. В. Чистов, Б. А. Успенский, Ю. М. Лотман, М. Б. Плюханова, Н. А. Васецкий, И. Л. Андреев и др.) допускают, что среди самозванцев были и те, кто искренне заблуждался на свой счёт. Представителей первой группы интересуют главным образом самозванцы, возглавлявшие движения социального протеста или принимавшие в них участие. В результате самозванчество интерпретируется как сознательный обман народа во имя его же интересов, как своеобразная форма борьбы за власть, а мотивы самозванца сводятся к стремлению облегчить народные тяготы. К сожалению, авторы часто грешат модернизацией исторической действительности: оценивают деятельность самозванцев и их сподвижников исходя из собственных представлений. Например, К. В. Сивков оставил без анализа «совсем незначительные дела», а также

деятельность тех лиц, которые казались ему авантюристами и безумными. Тем самым исследователь фактически

[с. 296]

вычеркнул из перечня самозванцев И. Соколовского, А. Корсакову и Ив. Опочинина. При этом он не изложил критериев подобной дифференциации. Посему непонятно, отчего эпитета «сумасшедший» не удостоился, например, И. Андреев, поведение которого вполне даёт основания для подобного определения, отчего дела о Н. Кретове и Н. Шляпникове не попали в число «совсем незначительных» – при том, что у каждого было всего по два сторонника. Недоумение усиливается тем, что А. Васильева не лишается места в списке самозванцев, несмотря, как пишет автор, на «наивность» её выступления, которое «не имело никаких практических последствий»⁴⁶. Далее, К. В. Сивков утверждает, что социальные низы принимали всякого, кто именовал себя царем и обещал облегчить народную долю. При этом автор заявляет, что «ни в одном случае самозванчества нельзя установить, чего именно каждый из самозванцев хотел добиться лично для себя». В то же время он со своими единомышленниками полагает, что самозванные претенденты на трон были сознательными обманщиками, т. е. не заблуждались на свой счёт, а их сподвижники с самого начала могли знать об обмане и тем не менее сохранять им верность⁴⁷.

Последнее убеждение разделяет и Ф. Лонгуорт, которому тоже свойственно понимание монархического самозванчества как формы социального протеста. Результатом такого подхода оказывается неправомерное сужение первичной фактической базы: если поведение какого-либо самозванца не соответствует авторским ожиданиям, он выводится за рамки исследования. Такая участь была уготована Ив. Опочинину, Н. Кретову, К. Селиванову и «полковнику Тюменеву»⁴⁸.

Сходную позицию занимает С. М. Троицкий, полагающий, что для народных масс «хороший» монарх как раз и был «истинным», т. е. противопоставление «подлинного» и «ложного» правителя автор фактически сводит к оппозиции «защитник народа – угнетатель». Исследователь тоже допускает возможность того, что соратники самозванного претендента на трон изначально могли знать о его подложности и, однако, оказывать ему поддержку⁴⁹.

Исследователи второй группы обращают внимание на то, что в России были разные типы и виды самозванчества – не только «благородное» и «авантюристическое» (корыстное), но также «светское» и «религиозное», по-настоящему реальное («всамделишное») и игровое («несерьёзное»). Самозванчество рассматривается как социокультурное явление, базой которого были фольклорные представления о монархе и природе его власти, а также особенности массовой религиозности. Такой подход, на мой взгляд, выглядит наиболее перспективным.

В указанном выше труде К. В. Чистова выявлена и проанализирована такая предпосылка самозванчества, как народный миф о

[с. 297]

«возвращающемся царе-избавителе». Этот миф, с одной стороны, помогал самозванцам создавать свои вымышленные биографии и заставлял их действовать по определённому сценарию, а с другой стороны, содержал некие критерии, с помощью которых в народе различали «истинных» и «ложных» государей (претендентов на трон).

Б. А. Успенский рассматривает самозванчество как специфическое явление российской культуры XVII–XVIII вв., основой которого были массовое представление о Богоизбранности «настоящего» монарха и традиция «игры в царя». Исследователь обратил внимание на то, что

между монархическим и религиозным самозванчеством не было жёсткой грани. Кроме того, он сделал важное наблюдение относительно психологии самозванцев: вполне возможной была ситуация, когда человек искренне верил в правомочность своих притязаний и считал себя равноправным правителю, занявшим трон вопреки традиции⁵⁰. Вместе с Ю. М. Лотманом исследователь сделал вывод, что психологию самозванца можно понять, исходя из принципов «мифологического сознания», т. е. учитывая особенности мировосприятия, характерные для носителей традиционной культуры. Учёные полагают, что в сознании самозванцев происходил особый процесс, обозначаемый авторами с помощью термина «мифологическое отождествление»⁵¹.

Весьма интересны и замечания М. Б. Плюхановой о связи самозванчества с массовой эсхатологией (благодаря последней лжецари были склонны «осмысливать свою деятельность как вершение высшего суда и даже косвенно отождествлять себя с Мессией»), а также об особенностях генезиса индивидуальности в России XVII–XVIII вв. (становление личностного сознания могло проявляться в самосакрализации, которая, в свою очередь, одним из своих выражений имела самозванство)⁵².

Исследователей обеих групп роднит то, что в своём большинстве они акцентируют внимание на лицах, которые воспринимаются ими как психически нормальные; что же касается «безумных», то им внимания не уделяется.

Такой подход выглядит неправомерным, поскольку излишне субъективен и связан с модернизацией исторической действительности – исследователи оценивают поступки самозванцев и их сподвижников, исходя из собственных представлений и не учитывая относительности и культурно-исторической обусловленности концептов «безумие», «психическое расстройство» и «психическая норма». Авторы постоянно рискуют совершить ошибку ещё и потому, что сведения источников зачастую не позволяют сделать однозначный вывод о психическом состоянии, так сказать, «кандидата в самозванцы»⁵³.

Историографический анализ подводит нас к формулировке задач данного исследования:

[с. 298]

1. Уточнить уже известные и ввести в научный оборот новые данные о самозванцах царственного уровня, действовавших в России в 1762–1800 гг., и на этой основе максимально точно установить количество самозванцев.

2. Провести первичную типологию самозванцев, дать им характеристику как потенциальным и реальным бунтарям и реформаторам.

3. Составить краткий социологический портрет каждого самозванца, на основе чего провести системно-статистический анализ и дать характеристику отдельным самозванческим группам и всем лжемонархам в совокупности.

4. Выявить архетипические представления, имеющие отношение к теме исследования:

а) основные «правила игры», которые массовое сознание предписывало самозванным носителям высшего светского статуса, б) представления, которые, с одной стороны, служили критериями для различения «настоящих» и «ложных» носителей монаршего статуса, а с другой стороны, помогали самозванцам доказывать обоснованность их притязаний не только окружающим, но и самим себе, поскольку обнаружение и/или формирование у себя соответствующих личностных черт способно было изменить их самооценку и облегчить самоотождествление с изображаемым персонажем.

Источниковую базу исследования составляют судебно-следственные материалы, выявленные в Российском государственном архиве древних актов, Архиве внешней политики Российской империи и Российском государственном военно-историческом архиве.

Методология исследования (понимаемая как единство исходных посылок, принципов, методов и понятийного аппарата исследования) базируется, во-первых, на культурно-

антропологическом подходе к изучаемому феномену. Это значит, что адекватное понимание российского монархического самозванчества 1762–1800 гг. связано с рассмотрением его как социокультурного явления конкретно-исторического характера, т. е. подразумевает использование критериев, свойственных не современной, но изучаемой эпохе. При этом в процессе исследования следует избегать оценок типа «плохое – хорошее», «неправильное – правильное», «отсталое – развитое», «ложное – правдивое» и т. п. В то же время все проявления жизнедеятельности изучаемого персонажа (слова, поступки, выражение эмоций и т. д.) рассматриваются как некий текст, прочтение которого (реконструкция и понимание чужого сознания) обусловлено выявлением психических феноменов, порождающих его, и социокультурных факторов, в свою очередь их детерминирующих.

Во-вторых, вслед за К. В. Чистовым возможно полагать, что в народном сознании хранились некие «правила игры», обязательные для

[с. 299]

всех самозванцев, желавших обрести соратников, причем от степени соблюдения этих правил во многом зависела судьба самозванца и успех его предприятия. Роль рабочей гипотезы будет играть концепция, ранее сформулированная мной на основе опубликованных данных⁵⁴.

В-третьих, взята на вооружение идея Б. А. Успенского и Ю. М. Лотмана относительно того, что в сознании хотя бы части самозванцев происходило «мифологическое отождествление» себя с изображаемым персонажем. Этот процесс я предпочитаю обозначать с помощью термина «ложная самоидентификация»⁵⁵.

В-четвёртых, нужно допустить принципиальную возможность того, что среди самозванцев окажутся люди, которые могут восприниматься нами или воспринимались их современниками в качестве психически больных.

Методическую основу исследования составляют статистическая обработка данных, сравнительно-типологический метод, а также системный анализ: каждый случай самозванчества анализируется по целому ряду параметров, соответствующих различным аспектам изучаемого феномена (социальный статус и основные вехи жизни самозванца, черты его психики, обстановка и особенности его «объявлений» о себе, т. е. публичных притязаний на обладание новым статусом, анализ общественной реакции на появление самозванца и т. д.).

Специфическая терминология исследования концентрируется вокруг понятия **самозванец**, которое определяется следующим образом.

Во-первых, самозванец – это дееспособный индивид, который знающим его людям открыто (словесно или письменно) заявлял сам, или давал понять намёками, или убеждал их чужими устами, что он не тот, за кого его принимают, и выдавал себя за носителя иного, нежели в действительности, имени и/или статуса, а от людей, не знакомых с ним, скрывал свои истинные биографические данные или искажал их, играя новую роль (неважно – взятую вследствие заранее обдуманного плана или спонтанной реакции окружающих), – и всё это он делал прежде всего ради того, чтобы лично пользоваться плодами своих усилий.

Во-вторых, самозванец – это индивид, который, начав однажды играть новую социальную роль (даже если она была принята им под принуждением или в состоянии опьянения, аффекта, душевного расстройства), подкреплял соответствующие этой роли заявления (свои и/или чужие) целенаправленными действиями (если, конечно, он не был схвачен сразу после «объявления» о себе), выстраивал своё дальнейшее поведение так, чтобы оправдывать ожидания поверивших ему людей, пусть даже он общался с ними нерегулярно и тайно. При этом он либо вообще не отрекался от вновь принятой роли, либо делал это лишь под принуждением – со стороны окружающих или официальных властей.

[с. 300]

В-третьих, самозванец – это индивид, чьи заявления и притязания были признаны в целом недостоверными и необоснованными, причём признаны в качестве таковых как современниками, так и потомками (историками); это человек, который, даже убедив на время какую-то часть людей, в конце концов был разоблачён как обманщик (неважно – при жизни или после его смерти).

В-четвёртых, чтобы слыть самозванцем, человек обязан воспринимать себя в новом качестве и/или так восприниматься другими не «в шутку», а «всерьёз», не в игровой ситуации, а в обычной, повседневной жизни.

В-пятых, человек может считаться самозванцем, если он претендует на статус, входящий в число привычных для данного общества или хотя бы в число известных и принципиально возможных, с точки зрения представителей данного социума, если он прилагает к себе эпитеты, не вызывающие недоумения или смеха у окружающих. Иначе говоря, самозванцем является только тот, кто стремится (хотя бы мысленно) вписаться в наличную социальную структуру, найти себе место в данном обществе.

Теперь надо сформулировать критерии для определения **самозванца монаршего уровня**.

Вообще монарх – это: 1) лицо знатного происхождения, 2) носитель харизмы, а значит, человек, чьи помыслы, поступки и моральный облик если не сакрализуются, то идеализируются или хотя бы оправдываются окружающими, 3) правитель (ныне действующий или бывший) отдельного государства – самостоятельного или даже попавшего во внешнеполитическую зависимость, но хотя бы частично сохранившего свой суверенитет.

В состав монаршей фамилии, помимо официального правителя, включаются, во-первых, его ближайшие «кровные» родственники – родители, братья и сёстры, сыновья и дочери, племянники и племянницы, внуки и т. д. (причём неважно – «законные» они или нет), а во-вторых, «приобретённые» родственники – лица, вступившие в брак с монархом и его прямыми потомками или пока ещё носящие звание жениха (невесты), а также ближайшие родственники этих лиц.

Соответственно критериями отнесения индивида к самозванцам монаршего уровня оказываются:

1) его публичное притязание на статус представителя монаршей фамилии – посредством присвоения чужого имени и/или официального титула; заявлений о родстве с монархом; награждения себя эпитетами, которые в массовом сознании устойчиво увязываются с образом верховного правителя (например, «земной бог»); объявлений о своей богоизбранности к занятию престола;

[с. 301]

2) его стремление получить соответствующие новому статусу властные полномочия: либо инкорпорироваться в высшие эшелоны официальной власти, либо создать свою собственную, автономную сферу властвования – сформировать группу сторонников и добиться того, чтобы они беспрекословно его слушались, т. е. вели себя как его «подданные».

В понятийный аппарат исследования входят также термины «самозванство», «самозванщина» и «самозванчество».

Под **самозванством** понимаются мысли, чувства и действия конкретного человека, решившего выдавать себя за носителя другого, нового имени и/или статуса, особенности его самовосприятия, внутренние факторы его поведения и самооценки. Самозванство начинается тогда, когда у человека появляется идея о смене привычного статуса, а кончается в момент его публичного саморазоблачения – признания, что действительным (настоящим) его статусом является прежний, «покинутый» им.

Самозванщина – это социально-психологический феномен, возникающий тогда, когда индивиду, выступающему в новом качестве, удаётся привлечь на свою сторону хотя бы одного человека. Соответственно этот феномен прекращает своё существование в тот момент, когда от самозванца публично отрекается последний сподвижник (таковым в данном случае является лицо, которое находится со лжегосударем в постоянном контакте – лично или опосредованно).

Самозванчество являет собой диалектическое единство двух указанных выше феноменов. При этом стоит отметить, что не может быть самозванщины без самозванства, однако самозванство без самозванщины вполне возможно.

1. СКОЛЬКО БЫЛО САМОЗВАНЦЕВ?

Первым делом надо проверить, нет ли, так сказать, лишних среди тех персонажей, которые в литературе считаются самозванцами.

Начнём с пугачёвских атаманов П. Евсевьева и Я. Иванова. Уже С. Тхоржевский сомневался в том, что среди участников крестьянской войны 1773–1775 гг. был не один «император Пётр Фёдорович»⁵⁶. Тщательное изучение источников показало, что Я. Иванов себя Петром III не называл и другими восставшими в таком качестве не почитался. Пассаж в одном из документов, порождающий искус отнести атамана к самозванцам, объясняется ошибкой однодворца Ф. Ф. Шубина, который, услышав, что в «команде Пугачёва» кто-то называется государем, посчитал таковым Я. Иванова, поскольку того люди повсюду встречали с хлебом-солью, стояли перед ним на коленях и приносили присягу, «что веруют ему, государю Петру Фёдоровичу». На самом же

[с. 302]

деле все эти почести воздавались Я. Иванову как *представителю* «императора»⁵⁷.

Аналогичная ошибка было допущена и в отношении другого пугачёвского атамана: попавший к нему в плен прапорщик Ахлебенин, во-первых, отнюдь не отождествлял Пугачёва и находящегося среди повстанцев «государя Петра Третьего», а во-вторых, П. Евсевьева он посчитал самозванцем потому, что люди, которые прапорщика пленили, заявляли, будто «оне посланы от государя Петра Феодоровича», а потом привезли его на суд именно к Евсевьеву⁵⁸. Ошибочность такого взгляда подтверждается другими известиями, в которых П. Евсевьев самозванцем не именуется⁵⁹.

Основанным на путанице является и причисление к самозванцам А. С. Поповой, одной из многочисленных скопческих «Богородиц». Б. А. Успенский невнимательно прочёл ту страницу в сборнике В. И. Кельсиева, на которую ссылается. На самом деле речь там идёт о другом персонаже скопческой истории – авантюристке, которая действительно выдавала себя за «великую княгиню Анну Фёдоровну», но позже – в начале XIX в.⁶⁰ Что касается А. С. Поповой, то она до конца жизни оставалась в рамках исключительно религиозного самозванства⁶¹.

В тех же рамках действовала и А. Иванова. Хотя среди скопцов она почиталась не только как Богоматерь, но и как «императрица Елизавета Петровна», следует учесть, что монарший сан был ей приписан лишь тогда, когда её мифический «сын» К. Селиванов начал выдавать себя за императора Петра III, т. е. не ранее 1780 г. А к этому времени, по мнению наиболее авторитетных историков скопчества, она умерла⁶².

Следующим кандидатом на исключение из перечня самозванцев царистского толка является П. Хрипунов (Головенко). К. В. Сивков не смог найти архивных материалов о нём, поэтому пользовался дореволюционной публикацией, где сообщалось, что П. Хрипунов выдавал себя за Петра III, причём к этому его подговорили будущие соратники – П. Борцов и

О. Пургин. Мнение, что Хрипунов был самозванным претендентом на трон, прочно утвердилось в литературе⁶³. Между тем изучение архивного дела о нём позволяет утверждать, что самозванцем царственного уровня он стать хотел, но так и не стал. С осени 1783 г. П. Хрипунов бродил по Уралу и Сибири и «разглашения делал под видом тем, што Государь Пётр Фёдорович жив, а себя точным Государем не называл». Что касается подговора его на самозванство, то это оказалось выдумкой: Борцов и Пургин в этом не сознались. Хрипунов же на допросе поведал, что мысль о принятии царского имени у него была, но он ею ни с кем не делился: «а что сам себя назовёт Государем, никому не проговаривал, а намерение имел... пробравшись за границу и с стороны крепости Усть-Каменогорской сперва набрав злодейскую толпу...

[с. 303]

и при первом разбитии какова места... объявить себя Государем хотел, а потом идти и далее»⁶⁴.

Можно согласиться с К. В. Сивковым, что Ивану Опочинину не место среди самозванцев монаршего уровня, но не потому, что он – авантюрист⁶⁵. Суть в том, что он отнюдь не выдавал себя за наследника российского престола, хоть это вроде бы и явствует из названия следственного дела о нём. Речь идёт о И. Подошине, преступление которого заключалось в том, что он изображал из себя «генерал-майора Опочинина»⁶⁶. И уж тем более не надо его путать с Ипполитом Опочининым, о котором писали С. М. Соловьёв и С. М. Троицкий.

Вслед за К. В. Сивковым следует исключить из числа самозванцев также И. Соколовского, ибо его деяние подпадает лишь под квалификацию «непристойные речи»⁶⁷.

Далее, необходимо заметить, что на Украине в 1764 г. не было никакого гусарского вахмистра, выдававшего себя за Петра III. Сообщение об этом – чистый миф, созданный, вероятно, после невнимательного ознакомления с делом Н. Колченко⁶⁸.

Большие сомнения вызывает и обоснованность пребывания в списке самозванцев Г. Рябова. Дело в том, что он упоминается лишь в одном источнике – в «объявлении» сибирского губернатора Чичерина от 5 ноября 1773 г. Согласно этому источнику, Рябов был некогда атаманом разбойников, его схватили в Верхотурье «посыланною из Тобольска военною командою», сослали на каторгу в Нерчинск, но он сбежал и, оказавшись в Астраханской губернии, «наименовал себя императором Петром Третьим». Хотя ему удалось сколотить группу сторонников, он был схвачен местными крестьянами и выдан властям, после чего отправлен в Москву⁶⁹. По моему мнению, Г. Рябов – если и реальное лицо, то не имеющее никакого отношения к монархическому самозванчеству. Во-первых, не удалось найти ни одного упоминания о нём среди материалов Тайной экспедиции. Во-вторых, к числу соратников Рябова в «объявлении» причислены лица, которые на самом деле были сторонниками Ф. Богомолова-Казина⁷⁰. Поэтому если самозванец и был, то под ним, скорее всего, надо разуметь Ф. Богомолова, который в 1772 г. под видом Петра III действовал на территории Волжского войска и в Царицыне. В-третьих, главный смысл «объявления» – предостеречь сибирских жителей от веры Е. Пугачёву и сообщить о наказании поверивших ему и заочно признавших Пугачёва императором. Составитель «объявления» либо не знал настоящего имени астраханского Лжепетра, опираясь лишь на слухи о нём, либо осознанно приписал ему имя другого «возмутителя», более «близкого» населению Сибири. При этом нужно учесть, что с момента поимки Ф. Богомолова до написания «объявления» прошло более года.

[с. 304]

Наконец, из сферы исследования необходимо исключить и Т. Курдилова, который в 1788 г. выдавал себя за императора Иоанна Антоновича. Дело в том, что он «объявил» о себе и свободно действовал в Курляндии, которая тогда была за границей (присоединена к России в 1795 г.), а на территории Российской империи в своём новом качестве он оказался лишь после ареста.

Итак, на основе опубликованных данных можно составить список из 30 самозванцев интересующего нас рода. Архивные разыскания позволили добавить к этому списку ещё столько же фамилий. В итоге получается, что в России в 1762–1800 гг. действовали 60 самозванцев монаршего уровня.

Правда, не все позиции в этом списке бесспорны. В. Леонтьев, П. Нестеренко (Таран) и И. Абаиси отнесены к самозванцам, строго говоря, гипотетически. Первый был официально признан сумасшедшим за то, что сделал о себе «непристойное разглашение», но, к сожалению, сути оно не знаем. Однако стоит обратить внимание на тот факт, что В. Леонтьев «разглашал» не кому-нибудь, а лично А. А. Вяземскому – начальнику Тайной экспедиции⁷¹. Поэтому можно предположить, что он выдавал себя за носителя монаршего сана – вероятно, Петра III. Что касается П. Нестеренко, то виновным в «похищении» имени Петра III он себя так и не признал⁷². Тем не менее его сослали на каторгу, поэтому он и попал в поле нашего зрения. И. Абаиси, напротив, не понёс никакого наказания, ведь вряд ли можно считать карой выдворение за пределы страны с довольно солидной суммой, полученной от царицы⁷³. По всей видимости, российские власти не знали, как относиться к «принцу Палестины», т. к. у них не было твёрдых доказательств, что перед ними самозванец. К тому же фамилия Абаиси им была уже знакома – в архиве Коллегии иностранных дел с 1729 г. хранилось дело под заголовком «Приезд в Россию от Горы Ливанской Абу Генבלата Нессара Абаиши князя Хезроана»⁷⁴. И даже если последний был самозванцем, из этого не вытекало, что его однофамилец является таковым.

Загадкой является и подлинное имя солдата, который в мае 1764 г. назвал себя Петром III, а перед этим представился как Михаил Иванов. Власти узнали о нём лишь спустя 10 лет, поэтому проверить, не скрылся ли он под псевдонимом, возможности нет⁷⁵.

Ещё одна оговорка. В РГАДА некогда хранилось дело (на сегодняшний момент оно отсутствует) под заголовком «О рекруте Сергее Петровиче, сказавшем, что его отец был сын Петра Великого» (1762 г.)⁷⁶. Однако имя обвиняемого не попало в список самозванцев, т. к., видимо, здесь речь идёт о «непристойных словах». В противном случае крайне трудно объяснить, почему С. Петрович не упоминается в журналах и ведомостях Тайной экспедиции среди подследственных и

[с. 305]

осуждённых по делам о государственных преступлениях (казнённых и сосланных на каторгу, в ссылку или монастыри).

2. ТИПОЛОГИЯ САМОЗВАНЦЕВ

Прежде всего нужно выяснить, сколько среди самозванцев, «проявившихся» (публично заявивших о себе, по народной терминологии) на территории Российской империи в 1762–1800 гг., было «реформаторов» и сколько «авантюристов».

Под «авантюристами» будем разуметь индивидов, которые приняли на себя новое имя или новый статус только ради личной выгоды, которые даже не прикрывали свою корысть обещаниями популярных мер и привлекательными для народа лозунгами, а также добивались своих целей путём дополнительных (по отношению к факту самозванства) нарушений правовых и моральных норм, принятых в той среде, где они вращались.

Соответственно «реформатор» – это человек, который пытается сочетать личные интересы с интересами своих соратников и сторонников (неважно – искренне или только для виду). К этой же группе относятся и лица, которые хоть и не обещали провести социальные преобразования, но оказались замешанными в движениях социального протеста «светского» характера.

В данном случае нас интересуют не столько изначальные мотивы самозванца и те идеи, которые роились его в голове тогда, когда у него впервые возникло желание выдать себя за другого человека, сколько его поступки и публичные заявления накануне, во время и после «объявления», а также их последствия. Ведь самозванец мог под влиянием окружающих и/или обстановки изменить свои первоначальные планы.

Анализ прямой и косвенной информации на этот счёт показал, что к «авантюристам» возможно причислить 29 чел. (48% всех самозванцев), а к «реформаторам» – всего 12 чел. (20%). Однако если принять во внимание, что И. Семилеткин, побыв «реформатором», после саморазоблачения опять выказал претензии на монарший статус, причём повёл себя уже как «авантюрист», то вполне резонно увеличить первую группу до 30 чел.

Итак, в категорию «авантюристов» зачислены: И. Семилеткин (в тюрьме – в 1765 г.), Т. Гаудекер, А. Асланбеков, М. Иванов, Н. Колченко, П. Чернышёв, А. Заварзина, А. Краснощёкова, И. Абаиси, Н. Кретов, И. Мосякин, И. Андреев, И. Забелин, Ю. Бинг, Н. Дмитриев, А. Сытин, И. Никифоров, Изек-бей, К. Селиванов, В. Смоленцов, Амвросий, Н. Сорокин, В. Бунин, М. Тюменева, П. Нестеренко, П. Замыцкий, беглый француз-каторжник, К. Владимиров, С. Петериков, Б. Сочнев.

[с. 306]

Новое имя и/или статус они принимали для того, чтобы: 1) обрести свободу – вырваться из тюрьмы или ссылки (Семилеткин⁷⁷, Гаудекер⁷⁸, Забелин⁷⁹, Сытин⁸⁰, Владимиров⁸¹ и, очевидно, Селиванов⁸²), 2) получить помощь, деньги или нематериальную выгоду, после чего уехать и жить в другом месте обычной – «не царской» – жизнью (Асланбеков⁸³, Краснощёкова⁸⁴, Абаиси⁸⁵, Сорокин⁸⁶, Бунин⁸⁷, Тюменева⁸⁸, Сочнев⁸⁹ и, видимо, Иванов⁹⁰), 3) жить безбедно за счёт своих сторонников, не думая о том, что будет завтра (Чернышёв⁹¹, Кретов⁹², Мосякин⁹³, Бинг⁹⁴, Никифоров⁹⁵, Изек-бей⁹⁶, Нестеренко⁹⁷, беглый француз-каторжник⁹⁸ и, вероятно, Колченко⁹⁹), 4) уволиться со службы (Андреев¹⁰⁰, Дмитриев¹⁰¹), 5) добиться права стать монахом (Смоленцов¹⁰², Замыцкий¹⁰³, Петериков¹⁰⁴), 6) избежать преследований со стороны окружающих и/или найти управу на обидчиков (Заварзина¹⁰⁵, Смоленцов и, очевидно, Амвросий¹⁰⁶).

Список «реформаторов» таков: И. Семилеткин (в бытность его на свободе – в 1762 г.), Г. Кремнев, И. Опочинин, Ф. Богомоллов, Е. Пугачёв, М. Ханин, Г. Савёлов, Д. Попович, Г. Зайцев, Н. Сенютин, П. Середенко, К. Борняков.

Строго говоря, Опочинин лишь условно может быть отнесён к последней группе. Он попал в неё потому, что, намереваясь свергнуть Екатерину, предать смерти Орловых и возвести на престол Павла, своей корысти не преследовал, хотя лелеял мечту когда-нибудь тоже оказаться на троне¹⁰⁷. В то же время остальные представители данной группы бессребрениками отнюдь не были (см. ниже – п. 4).

Только Пугачёв и Сенютин обещали дать «волю» помещичьим крестьянам, правда, первый пытался достичь этой цели на деле¹⁰⁸, а второй болтал всеу¹⁰⁹. Свергнуть царицу, предать смерти её приближённых или всех «недобрых» дворян планировали – по крайней мере, на словах – Опочинин, Пугачёв¹¹⁰, Ханин¹¹¹. Вполне вероятно, что о расправах с представителями знати думала и Середенко. По крайней мере, она говорила: «...Когда поверют тому, что я царевна, то будет мне... хорошо, и чрез то все большия бояря переведутся»¹¹².

Что касается других «реформаторов», то степень радикальности их замыслов и заявлений гораздо более низкая: 1) введение свободы вероисповедания для «раскольников» (Семилеткин¹¹³), 2) сокращение, временная отмена или упразднение налогов, а также временная или полная отмена рекрутской повинности и «солдатчины» вообще (Семилеткин, Кремнев¹¹⁴, Богомолов¹¹⁵, Зайцев¹¹⁶, Борняков¹¹⁷), 3) дарование недворянам права на лимитированное винокурение (Кремнев), 4) наказание местных «кровопивцев», а также личных недругов самозванца (Семилеткин, Савёлов¹¹⁸, Попович¹¹⁹).

Обращает на себя внимание и тот факт, что лишь трое из них (Кремнев, Богомолов, Пугачёв) оказались во главе коллективных (массовых)

[с. 307]

выступлений протеста. К этой троице можно добавить лишь Ханина, который готовился, но не успел стать вожаком повстанцев. Вот и всё. По всей видимости, такое положение в немалой степени обусловлено тем, что и в данной группе самозванцев преобладали демагоги, прятавшие под благовидными заявлениями своекорыстные устремления.

Остальную часть лжемонархов (19 чел., или 32%) составляют лица, которых можно обозначить как «блаженных». Это – В. Сергеев, В. Леонтьев, В. Дубровкин, Г. Васильев, Ф. Гришин, К. Фридрих, Ф. Мейбом, М. Шнидер, К. Васильев, Н. Баташевский, И. Фоменко, А. Корсакова, П. Петров, П. Галушка, О. Шурыгин, И. Пакарин, Ф. Ушаков, А. Дьяконов, И. Родде.

Если для «авантюриста» и «реформатора» самозванство – лишь средство, способ достижения поставленных целей, то для «блаженного» оно и есть цель, оно самодостаточно. «Наивный» самозванец желает лишь одного – «объявить» о себе. При этом создаётся впечатление, что в отличие от «реформаторов» и «авантюристов» среди «наивных» самозванцев преобладают люди с расстроенной психикой.

Большинство «блаженных» (17 чел.) полагали, что после «проявления» их ждёт «законное» место на троне или рядом с ним. При этом они чаще всего сами приходили в государственные учреждения, чтобы открыть властям тайну о себе (исключение составляют Мейбом¹²⁰, Фоменко¹²¹, Галушка¹²², Ушаков¹²³ и Дьяконов¹²⁴). Однако в двух случаях самозванцы «объявляли» о себе властям, по всей видимости, только для того, чтобы удостовериться в своём высочайшем происхождении (Васильев¹²⁵, Пакарин¹²⁶).

Ещё одним вариантом самозванческой типологии представляется выделение «народолюбцев» – тех лжемонархов, которые, впервые «разглашая» о себе, обращались к простолюдинам, к «народу», т. е. стремились найти сторонников среди непривилегированного и полупривилегированного населения (солдаты и казаки при исполнении служебных обязанностей не в счёт).

Это 32 чел. – 11 «реформаторов» (без Опочинина), 17 «авантюристов» (Асланбеков, Иванов, Колченко, Чернышёв, Заварзина, Краснощёкова, Кретов, Мосякин, Никифоров, Селиванов, Сорокин, Бунин, Тюменева, Нестеренко, Замыцкий, Петериков, Сочнев) и 4 «блаженных» (Мейбом, Фоменко, Галушка, Ушаков).

Поскольку 80% самозванцев и 66% «народолюбцев» – это «авантюристы» и «блаженные», поскольку только четверо из 60 оказались участниками выступлений социального протеста, постольку, говоря о монархическом самозванчестве, нельзя целиком его относить к истории «классовой борьбы» (социального протеста). Более близким к истине выглядит определение монархического самозванства как особой сферы

[с. 308]

деятельности людей с авантюрным складом ума и/или с отклонениями в психике.

3. ХРОНОЛОГИЯ, ГЕОГРАФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ МОНАРХИЧЕСКОГО САМОЗВАНЧЕСТВА

Обратимся к общему списку самозванцев, приведённому в приложении 1. Нумерация построена по хронологическому принципу – от наиболее ранних «объявлений» к более поздним. К сожалению, в трёх случаях не удалось более или менее точно установить необходимые даты, поэтому вполне может быть, что Изек-бей, К. Селиванов и неизвестный «принц из династии Бурбонов» стоят не на своих местах. Всё это делает условными некоторые выкладки, но в целом анализ фактического материала средствами статистики всё же позволяет приблизиться к более глубокому пониманию интересующего нас феномена.

Если изучаемый период разбить на десятилетия (первый отрезок, правда, будет куцым) и посмотреть, насколько часто появлялись тогда самозванцы, то получится следующая картина: 1762–1770 гг. – 18 самозванцев, 1771–1780 гг. – 20, 1781–1790 гг. – 16 (если именно в этот отрезок включить безымянного «французского принца»), 1791–1800 гг. – 6.

С учётом того, что трое самозванцев (Семилеткин, Корсакова, Владимирова) «проявлялись» в разных обличьях, и того, что ещё двое (Чернышёв и Богомолов) после саморазоблачения опять принимались за старое, имеет смысл распределить по десятилетиям случаи первоначальных «проявлений» (случаи самозванства), количество которых оказывается равным 65. Итак, в 1762–1770 гг. было 20 «проявлений», в 1771–1780 гг. – 22, в 1781–1790 гг. – 16, в 1791–1800 гг. – 7.

Можно сравнить между собой и такие традиционно выделяемые периоды во второй половине XVIII в., как время до и после подавления крестьянской войны. И вот что интересно – хотя первый из этих периодов длился 13 лет, а второй – 25, количество самозванцев и в то и в другое время почти одинаковое: в 1762–1775 гг. их было 28, а в 1776–1800 гг. – 32. В пересчёте на случаи первоначальных «проявлений» эти показатели равняются соответственно 31 и 34.

При сопоставлении периодов правления Петра III, Екатерины II и их сына оказывается, что на долю первого приходится лишь 1 самозванец (если, конечно, И. Семилеткин не «проявился» впервые уже после смерти Петра III), на долю «Российской Минервы» – 54, а Павла – 5 самозванцев. В пересчёте на случаи самозванства доля екатерининского правления увеличивается до 58 первоначальных «проявлений», а павловского – до 6.

[с. 309]

Количественное преобладание самозванцев и числа новых «проявлений» именно в эпоху Екатерины II можно объяснить не только тем, что она правила очень долго, но и тем, что к ней было негативное отношение в тех слоях российского общества, которые выступали хранителями традиционной, по своей сути сугубо патриархальной, культуры. Речь идёт о «социальных низах» и, прежде всего, о крестьянстве.

Императрица вызывала раздражение не только потому, что свергла собственного мужа, но и потому, что, будучи женщиной, занялась не своим делом, ибо в массовом сознании жила мысль: управление государством – удел мужчин. Собственно говоря, Екатерина получила такое отношение к себе как бы в наследство – ругань в адрес «бабы» на троне стала атрибутом «низовой» культуры ещё при Анне Иоанновне и Елизавете¹²⁷.

Если распределить всех самозванцев и все случаи первоначальных «проявлений» по отдельным годам, то рекордсменом окажется 1764-й год – 5 самозванцев и столько же «проявлений». В 1765 и 1796 гг. было по 3 самозванца и 4 «проявления». По 3 самозванца и 3 «проявления» приходится на 1768, 1774, 1775, 1776, 1778, 1782, 1785 и 1787 гг. «Пустыми»

являются 1770, 1784, 1791–1795 гг. (если начало деятельности самозваного «принца из династии Бурбонов» отнести к 1790 г.) и 1799 г.

Как бы то ни было, с начала правления Екатерины Великой и до 1790 г. включительно в России практически ежегодно «проявлялись» от 1 до 3 самозванцев. После воцарения Павла I «нормой» стала регистрация всего лишь одного случая самозванства в год.

Проведём подобный анализ по различным группам самозванцев. Из 39 лет, составляющих выбранный для изучения период, деятельностью «реформаторов» отмечены 11 лет – 1762 г. (1 человек), 1765 г. (1 человек), 1768 г. (1 человек), 1772 г. (2 человека, но 3 новых «проявления»), 1778 г. (1 человек), 1779 г. (1 человек), 1782 г. (1 человек), 1783 г. (1 человек), 1786 г. (1 человек), 1796 г. (1 человек), 1797 г. (1 человек). Похождениями «авантюристов» отмечены 21 год – 1762 г. (1 человек), 1763 г. (1 человек), 1764 г. (2 человека), 1765 г. (1 человек, но 2 «проявления»), 1767 г. (1 «проявление»), 1768 г. (1 человек), 1769 г. (1 человек), 1771 г. (1 человек), 1773 г. (1 человек), 1774 г. (2 человека), 1775 г. (1 человек), 1776 г. (3 человека), 1777 г. (1 человек), 1778 г. (1 человек), 1781 г. (2 человека), 1782 г. (2 человека), 1787 г. (2 человека), 1789 г. (1 человек), 1790 г. (2 человека), 1796 г. (2 человека, но 3 «проявления»), 1798 г. (1 человек). «Блаженные» являли себя людям 13 лет – в 1764 г. (3 человека), 1765 г. (1 человек), 1766 г. (2 человека), 1767 г. (1 человек), 1768 г. (1 человек), 1774 г. (1 человек), 1775 г. (2 человека), 1778 г. (1 человек), 1779 г. (1 человек, но 2 новых «проявления»), 1780 г. (1 человек), 1785 г. (3 человека), 1787 г. (1 человек), 1800 г. (1 человек).

[с. 310]

Можно заметить, что у первых двух групп не было особой динамики «проявлений» – их представители распределились по десятилетним отрезкам более или менее равномерно. А вот у «блаженных» от десятилетия к десятилетию активность шла на убыль и почти прекратилась в 1790-е гг.

Самозванцы из числа «народолюбцев» беспокоили официальную власть в течение 26 лет – в 1762 (1 человек), 1763 (1 человек), 1764 (2 человека), 1765 (2 человека), 1767 (1 человек, но 2 новых «проявления»), 1768 (1 человек), 1769 (1 человек), 1772 (2 человека, но 3 «проявления»), 1773 (1 человек), 1774 (1 человек), 1775 (1 человек), 1777 (1 человек), 1778 (1 человек), 1779 (1 человек), 1780 (1 человек), 1781 (1 человек), 1782 (2 человека), 1783 (1 человек), 1785 (1 человек), 1786 (1 человек), 1787 (2 человека), 1789 (1 человек), 1790 (1 человек), 1796 (2 человека), 1797 (1 человек), 1798 (1 человек). Получается, что по 1790 г. включительно какие-либо самозванцы обращались к народу за поддержкой не только практически ежегодно, но иногда и по нескольку раз в год. А так как подобные обращения потенциально несли в себе угрозу народного бунта, нетрудно догадаться, насколько беспокойной была жизнь российских властей в 1762–1790 гг.

Если обобщить сведения о том, где именно впервые лжемонархи являлись людям, то окажется, что география монархического самозванства ограничивается в основном европейской частью Российской империи.

С учётом того, что принимаются во внимание не лица, а случаи самозванства (вспомним: Семилеткин, Чернышёв, Богомолов, Корсакова и Владимиров формально становились лжемонархами дважды), общая картина такова: из 65 случаев самозванства 59 (с учётом «принца из династии Бурбонов») имели место в европейской части страны (91%), 5 – в азиатской части (Сибири) и 1 (Андреев) – на морском корабле в Средиземном море (территория корабля считается частью территории того государства, к которому он приписан). При этом в центре европейской части страны было 25 случаев самозванства (из них 14 – в столицах), а на окраинах европейской части – 33 (случай с «Бурбоном» остался без «привязки»): на территории современной Украины – 9, современной Белоруссии – 2,

современной России – 22 (в Области Войска Донского – 3, в Поволжье – 9, в Приуралье – 2, на юго-западном приграничье – 8). Итого на землях, входящих ныне в состав Российской Федерации, было зафиксировано, как минимум, 52 случая монархического самозванства (81%).

Далее обнаруживается, что в поселениях городского типа (собственно городах, «местечках» и слободах) лжемонархи «проявлялись» 41 раз (64% всех случаев самозванства на суше), а за их пределами (в деревнях, скитах и на дорогах) – 23 раза (36%), если предположить, что «Бурбон» выдал себя за принца не где-нибудь, а в сельской усадьбе.

[с. 311]

И вот что интересно: только на юго-западном приграничье современной России и на Дону число «объявлений» в сельской местности (соответственно 5 и 2) превышает число «проявлений» в городах (соответственно 3 и 1). В прочих регионах современной России соотношение «сельских» и «городских» самозванческих «разглашений» таково: в центре европейской части – 7:18 (в Петербурге – 10, Москве – 4, прочих городах – 4), в Поволжье – 3:6, в Приуралье – 0:2, в Сибири – 1:4. На землях современной Украины данное соотношение составляет 4:5, на землях современной Белоруссии – 0:2 (один случай – с «Бурбоном» – не локализован).

Итак, опровергается мнение о теснейшей связи монархического самозванства с казачеством¹²⁸ и подтверждается тезис, что данный феномен имел место главным образом в регионе крепостнического землевладения, причём по преимуществу на его окраинах¹²⁹. Однако последнее обстоятельство вряд ли правильно объяснять тем, будто самозванцы сознательно стремились «проявляться» на окраинах – потому-де, что там карательная власть государства была относительно слабой или отсутствовала вообще¹³⁰. Если бы так было в действительности, то столь много (39%) самозванческих «проявлений» не состоялись бы в центре европейской части страны, кроме того, все лжемонархи предпочли бы «разглашать» о себе в сельской местности, а не в городах. Можно утверждать, что потенциальные самозванцы, готовясь к перемене своего статуса и выбирая место и время первоначального «проявления», в большинстве своём не утруждали себя заботами о том, чтобы оказаться вне досягаемости официальных органов власти. Более того, нередко они сами приходили в государственные учреждения, чтобы «объявить» о себе (см. приложение 1).

Посмотрим, как обстояло дело в типичных группах лжемонархов. Из 13 случаев самозванства в группе «реформаторов» (Богомоллов становился «монархом» дважды) ни один не зафиксирован в азиатской части страны; лишь одно первоначальное «объявление» было на территории современной Украины (в сельской местности); остальные 12 случаев имели место на территории современной России: в центре европейской части – 2 (в сельской местности); в Области Войска Донского – 1 (в городе); в Приуралье (Яицкое войско) – 1 (в городе); в Поволжье – 4 (3 – в сельской местности); на юго-западном приграничье – 4 (2 – в городе, 2 – в сельской местности). Итого в сельской местности было 8 случаев самозванства, а в поселениях городского типа – лишь 5.

«Авантюристы» стали инициаторами 32 случаев самозванства (Чернышёв и Владимиров «проявлялись» дважды): одно первоначальное «разглашение» было на корабле, 11 – в сельской местности (с учётом «Бурбона») и 20 – в поселениях городского типа. На территории современной Украины было 7 начальных «проявлений» (в сельской

[с. 312]

местности – 2), современной Белоруссии – 1 (в «местечке»), современной России – 22 (в сельской местности – 8): в центре европейской части – 8 (в сельской местности – 3); на юго-западном приграничье – 3 (в сельской местности – 2); в Области Войска Донского – 2 (в сельской местности); в Поволжье – 4 (в городах); в Приуралье – 1 (в городе); в Сибири – 4 (в сельской местности – 1); ещё один случай (с «Бурбоном») не локализован.

Говоря о «блаженных», опять же, надо отметить, что число случаев самозванства больше числа псевдомонархов (Корсакова выступала в двух обличьях). Итого в сельской местности было 3 первоначальных «проявления», а в поселениях городского типа – 17. На территории современной Украины было 1 «проявление» (в сельской местности), современной Белоруссии – 1 (в городе), современной России – 18 (в сельской местности – 2): в центре европейской части – 15 (в сельской местности – 1); на юго-западном приграничье – 1 (в сельской местности); в Поволжье – 1 (в городе); в Сибири – 1 (в городе).

Что касается интегральной группы «народолюбцев», то с ними связаны 34 случая монархического самозванства (по две «попытки» сделали Богомолов и Чернышёв). В сельской местности было 18 первоначальных «проявлений», а в поселениях городского типа – 16. На территории современной Украины было 8 «проявлений» (в сельской местности – 4), современной России – 26 (в сельской местности – 14): в центре европейской части – 5 (в сельской местности – 3); на юго-западном приграничье – 8 (в сельской местности – 5); в Области Войска Донского – 3 (в сельской местности – 2); в Поволжье – 5 (в сельской местности – 3); в Приуралье – 2 (в городах); в Сибири – 3 (в сельской местности – 1).

Налицо закономерность: чем меньше будущий лжемонарх занят размышлениями о переустройстве общества, тем больше вероятность того, что он впервые «объявит» о себе в городе, причём перед лицом власть имущих. Однако если ему для достижения поставленных целей нужна поддержка простых людей, то он почти с равной вероятностью может «проявиться» и в городе, и в сельской местности.

Ещё одно наблюдение: в центре европейской части Российской империи «реформаторы» и «народолюбцы» сделали 15% своих «проявлений», «авантюристы» – 26%, а «блаженные» – 75%. Отсюда следует, что на окраинах чаще всего действовали самозванцы, находившиеся в конфликте с властями или внутренне настроенные на таковую. Но далеко не всегда причинами подобной оппозиционности и стремления уйти подальше от столиц были мечты о социальном переустройстве для блага народа.

Обратимся теперь к именам и титулам интересующих нас персонажей.

[с. 313]

Если речь вести о сугубо статусном самозванстве, то виновных в нём было 29 чел. (48% всех самозванцев), из которых только 3 человека выдавали себя за чисто иноземных монархов (Абаиси, «турецкий князь» и «принц из династии Бурбонов»). При этом случаев «статусного» самозванства было 30 (два случая на счету Владимира).

Были самозванцы, как бы сидящие на двух стульях: Баташевский претендовал на статус правителя не только России, но одновременно и Пруссии; Опочинин считал себя сыном российской императрицы и английского короля, а бывший игумен Амвросий – сыном государыни и прусского монарха.

Среди 26 человек, притязавших на статус представителя российской монаршей фамилии (без «похищения» имени конкретного правителя) «распределение ролей» было таким: 8 человек называли себя «просто» царём (царицей) или государем (государыней), ещё 3 чел. провозгласили себя женихами или мужьями царицы (исключительно Екатерины II) без всяких добавочных эпитетов, а один (Сергеев) видел себя одновременно и женихом царицы, и государем императором. Ещё один (Шурыгин) в одно и то же время заявлял о себе как о сыне Екатерины II и «царе».

Остальные 13 человек претендовали на статусы младших членов правящей фамилии, причём только трое считали себя наследниками престола, другие же, по всей видимости, вообще не притязали на верховную власть – хотя бы в будущем. При этом у Петра Великого оказалось 4 самозванных «сына» и 1 «племянник», у Елизаветы Петровны – 2 «сына» и «дочь», у Петра III – «сын», «сестра» и «двоюродная сестра», у Екатерины Великой – «жених» её мифической дочери. Даже у царицы Евдокии Фёдоровны, первой жены Петра Великого, обнаружился «побочный сын» (Семилеткин – в 1765 г.).

В именном самозванстве замешаны 33 человека (сюда входят и учтённые выше Семилеткин и Корсакова, т. к. они не ограничивались только «статусным» самозванством). Из иноземных монархов на территории России в 1762–1800 гг. «проявился» лишь «Александр Македонский» (Корсакова – в 1778 г.). Остальные самозванцы предпочитали брать имена и титулы российских монархов и их близких. Даже Бинг, заявивший о себе как наследнике не только российского, но и датского престолов, называл себя Павлом Петровичем.

Наибольшей популярностью пользовалось имя Петра III – 23 «присвоения» (правда, в некоторых случаях мы опираемся лишь на предположения). Получается, что так себя называли 70% всех самозванцев, действовавших под чужим именем, или 72% тех, кто играли роли членов российской правящей фамилии. Отметим также, что период, когда «присваивалось» имя Петра Фёдоровича, охватывает 32 года (1764–1796 гг.).

[с. 314]

Остальные показатели таковы: имя Петра Великого «похищалось» 1 раз, Петра II – 2 раза, Павла Петровича (тогда ещё наследника) – 3 раза, цесаревича Александра Павловича – 2 раза и цесаревны Елены Павловны – 1 раз.

Характерно, что при Екатерине II самозванки предпочитали «похищать» один лишь царственный статус, причём называться так, чтобы не только противопоставить себя государыне, но подчеркнуть своё первородство по отношению к ней.

Обратим внимание и на то, что в трёх случаях титулатура самозванца, выдающего себя за «истинного государя», включает эпитет «земной бог» (Асланбеков, Дубровкин, Сорокин). Более того, Сорокин, выдавая себя за Павла Петровича (пока ещё лишь наследника престола!), назывался также и «царём».

В 10 случаях самозванцы претендовали не только на высшие мирские звания, но и на высшие духовные, называя себя пророками, апостолами, святыми, патриархами, ангелами и даже богами – «царями небесными». При этом в 3 случаях «похищались» также имена библейских персонажей – Адама (Смоленцов), апостола Павла (Мейбом) и, видимо, архистратига Михаила (Ушаков).

У 6 человек религиозное и монархическое самозванство зарождалось и протекало одновременно. Селиванов же начал с религиозного самозванства и лишь потом дополнил его царственным, а вот Мейбом, Амвросий и Замыцкий поступили наоборот.

Получается, что прав Б. А. Успенский, утверждающий, что для носителей традиционной культуры в России XVIII–XIX вв. были характерны представления о монархе и его власти, основанные на обожении «подлинного» правителя и мистической вере в его богоизбранность.

Распределение имён и титулов по самозванческим группам таково. «Реформаторы» предпочитали брать имена, а не «чистые» статусы, причём имена монархов, а не членов их семей, и, наконец, имена только российских правителей. В сугубо статусном самозванстве был повинен лишь 1 человек (Опочинин), зато в именном – 11 человек: 7 человек изображали Петра III и по 1 человеку – Петра II, цесаревича Павла Петровича, цесаревну Елену Павловну и цесаревича Александра Павловича. Характерно, что ни один «реформатор» не притязал дополнительно на духовный статус.

«Авантюристы» в своих пристрастиях были более разнообразны, при этом количество лиц, повинных в статусном самозванстве, и тех, кто «похищал» имена, оказалось примерно равным: соответственно 14 человек (при 15 «проявлениях») и 16 человек (при 17 «проявлениях»). Из тех, что притязали только на монарший статус, большинство видели себя на российском троне или близ него (10 человек, но 11 «проявлений»), а что касается «иноземных монархов», то 3 из 4 выступали в качестве младших

[с. 315]

членов правящей фамилии. Что касается именного самозванства, то в данной группе картина такова: 13 «Петров III», 2 «Павла Петровича» и один «Александр Павлович». Наконец, 4 человека из этой группы дополнительно приняли на себя духовное звание.

Среди «блаженных» самозванцев (19 человек, но 20 «проявлений») львиную долю составляют безымянные лжемонархи (14 «проявлений»), причём все они – из российской правящей династии и в 8 случаях их притязания фокусируются на статусе главы этой династии. Кроме того, в данной группе зафиксировано 6 случаев именного самозванства: по разу «похищались» имена Петра I, Петра II, Елены Павловны и Александра Македонского, трижды – имя Петра III. Остаётся добавить, что шестеро самозванцев свои притязания на монарший статус дополняли претензиями на высшие духовные звания.

С «народолобцами» же дело обстоит так: 7 человек замешаны в статусном самозванстве и 25 – в именном («Пётр I», «Пётр II», 18 «Петров III», 2 «Павла Петровича», 2 «Александра Павловича» и «Елена Павловна»). При этом лишь 4 человека выдавали себя за носителей не только светского, но и духовного статуса высшего уровня.

Таким образом, вырисовывается следующая закономерность: те самозванцы, которые, желая того или не желая, меняли бытие окружающих простых людей, выступая субъектами общественно-политической жизни, как правило, действовали под именами реальных исторических лиц – членов российской правящей фамилии и не были связаны с религиозным самозванством.

Весьма интересно было бы также обобщить данные о **возрасте** самозванцев на момент их «проявления». К сожалению, необходимая информация имеется лишь о 43 лицах.

Самыми юными самозванцами стали «реформаторы» Опочинин и Зайцев (на момент «объявления» им было по 16 лет), самыми старыми – «авантюрист» Сытин (57 лет) и «блаженный» Дубровкин (скорее всего, он был гораздо старше 52 лет, поскольку практически не нёс военной службы «за дряхлостью»).

Средний возраст, образно говоря, «перехода в самозванцы» – 35,5 года, при этом у мужчин – 35,4 года, у женщин – 36,8 года.

В целом же распределение по возрастным группам таково: самозванцы в возрасте до 20 лет – 2 человека (оба мужчины), 21–30 лет – 13 человек (мужчин – 11), 31–40 лет – 15 человек (мужчин – 14), 41–50 лет – 9 человек (все мужчины), свыше 50 лет – 4 человека (мужчин – 3).

Таким образом, большинство самозванцев (28 человек, т. е. 65% всех, чей возраст известен) относятся к возрастной группе социально активного населения (21–40 лет).

[с. 316]

С учётом самозванческой типологии показатели по данному параметру таковы. В группе «реформаторов» средний возраст равен 30,6 года: 2 человека были младше 20 лет, 5 человек были в возрасте 21–30 лет, 3 человека – в возрасте 31–40 лет и 2 человека – в возрасте 41–50 лет. Информация об «авантюристах» неполная – она есть лишь о 21 человеке (включая Семилеткина в 1765 г.): средний возраст равен 37,5 года; 5 человек были в возрасте 21–30 лет,

9 человек – в возрасте 31–40 лет, 5 человек – в возрасте 41–50 лет и 2 человека – старше 50 лет. Аналогичные показатели у «блаженных» (при наличии сведений о 11 лицах) таковы: средний возраст – 37,4 года; 3 человека были в возрасте 21–30 лет, 4 человека – в возрасте 31–40 лет, 2 человека – в возрасте 41–50 лет и 2 человека – старше 50 лет. Наконец, у «народолюбцев» (при наличии данных о 28 лицах) средний возраст равен 31,3 года: 1 человек был младше 20 лет, 8 человек были в возрасте 21–30 лет, 11 человек – в возрасте 31–40 лет, 6 человек – в возрасте 41–50 лет и 2 человека – старше 50 лет

Итак, и в этих группах преобладают лица, имеющие за плечами от 21 года до 40 лет. Помимо этого, можно заметить, что наименьший средний возраст характерен для тех категорий самозванцев, которые не замыкались в своём мирке, а вольно или невольно становились участниками общественно-политической жизни.

Что касается длительности монархического самозванства (имеется в виду время от зарождения у человека идеи переродиться до его публичного саморазоблачения), то она равняется в среднем 4 годам 5 месяцам и 21 дню (с учётом того, что нет информации о Иванове, Сенютине, «принце из династии Бурбонов» и того, что взяты максимальные значения в тех случаях, когда датировка вариативна). В реальности же она колеблется от 1 суток (Ушаков) до 36 или даже более лет (Селиванов).

Группировка интересующих нас лиц по длительности их самозванства такова: срок менее 1 мес. – 10 человек (без учёта Семилеткина в 1765 г.), от 1 до 6 месяцев – 15, от 7 до 12 месяцев – 3, от 1 года 1 месяцев до 2 лет – 8, от 2 лет 1 месяца до 3 лет – 3, от 3 лет 1 месяца до 5 лет – 3, от 5 лет 1 месяца до 10 лет – 7, от 10 лет 1 месяца до 15 лет – 3, от 15 лет 1 месяца до 20 лет – 2, от 20 лет 1 месяца до 30 лет – 2, свыше 30 лет – 1. В то же время из первой группы 6 человек были в состоянии самозванства не более 2,5 недель: примерно 2 дня (сутки) – 1 человек, 7–9 дней – 4 человека, около 17 дней – 1 человек.

Стало быть, в половине случаев длительность самозванства не превышала 1 года, а срок до 3 лет был предельным для 41 человека (68% всех самозванцев).

Приведём соответствующие выкладки по основным группам лжемонархов. У «реформаторов» (без учёта Сенютина) длительность

[с. 317]

самозванства в среднем равна 22,6 месяца, при этом она была менее 1 месяца у 3 человек, от 1 до 6 месяцев – у 3, от 1 года 1 месяца до 2 лет – у 3, от 5 лет 1 месяца до 10 лет – у 2 человек.

В группе «авантюристов» (без Иванова и «Бурбона», но с учётом Семилеткина в 1765 г.) среднее значение данного показателя равно 70 месяцам; в целом же дифференциация такова: длительность самозванства менее 1 месяца – 7 человек, от 1 до 6 месяцев – 6, от 7 до 12 месяцев – 2, от 1 года 1 месяца до 2 лет – 4, от 2 лет 1 месяца до 3 лет – 1, от 3 лет 1 месяца до 5 лет – 1, от 5 лет 1 месяца до 10 лет – 2, от 10 лет 1 месяца до 15 лет – 1, от 15 лет 1 месяца до 20 лет – 1, от 20 лет 1 месяца до 30 лет – 2, свыше 30 лет – 1 человек.

Среди «блаженных» средний показатель – 53,2 месяца, а распределение по периодам следующее: длительность самозванства менее 1 месяца – 1 человек, от 1 до 6 месяцев – 6, от 7 до 12 месяцев – 1, от 1 года 1 месяца до 2 лет – 1, от 2 лет 1 месяца до 3 лет – 2, от 3 лет 1 месяца до 5 лет – 2, от 5 лет 1 месяца до 10 лет – 3, от 10 лет 1 месяца до 15 лет – 2, от 15 лет 1 месяца до 20 лет – 1 человек.

Для категории «народолюбцев» (без Иванова и Сенютина) характерны следующие показатели: длительность самозванства составляет в среднем 38,7 месяца, причём она была менее 1 месяца у 7 человек, от 1 до 6 месяцев – у 11, от 7 до 12 месяцев – у 1, от 1 года 1 месяца до 2 лет – у 5, от 2 лет 1 месяца до 3 лет – у 1, от 3 лет 1 месяца до 5 лет – у 1, от 5 лет 1 месяца до 10 лет – у 2, от 10 лет 1 месяца до 15 лет – у 1, свыше 30 лет – у 1 человека.

Таким образом, наименьший срок существования в состоянии «ложной самоидентификации» был отпущен тем самозванцам, которые думали не только о своей выгоде, но и о том, как помочь народу, а также тем, которые, вовсе не помышляя о каких-то преобразованиях, тем не менее активно контактировали с простыми людьми. Дело, видимо, в том, что такие лица быстрее попадали в поле зрения властей и оказывались в неволе.

В связи с этим крайне любопытными представляются выкладки, позволяющие судить о «периоде становления самозванца», – подразумевается время от появления у индивидуума идеи переродиться до его личного «объявления» о себе как носителя нового статуса.

С учётом того, что необходимые, пусть даже и приблизительные, сведения имеются лишь о 45 человеках, и при использовании максимальных значений в тех случаях, когда показатели вариативны, мы получаем следующую картину: период «созревания» самозванца равен в среднем 1 году 9 месяцам. При этом реальный срок подобного перерождения колеблется от нескольких минут (Опочинин) или даже секунд (Ушаков) до 21–27 лет (Андреев).

[с. 318]

В целом же разброс показателей по данному параметру таков: самозванцы с «периодом становления» менее 12 часов – 5 человек, от 0,5 до 2 дней – 2, от 6 до 10 дней – 4, от 11 до 29 дней – 8, от 1 до 6 месяцев – 9, от 7 до 12 месяцев – 3, от 1 года 1 месяца до 2 лет – 7, от 3 лет 1 месяца до 5 лет – 2, от 5 лет 1 месяца до 10 лет – 4, от 20 лет 1 месяца до 30 лет – 1.

Итак, 69% самозванцев, о которых есть соответствующие данные (31 чел. из 45), тратили на реализацию своей судьбоносной идеи не более 1 года, при этом 42% (19 чел.) – не более 1 месяца.

А вот каково положение в разных группах самозванцев. У «реформаторов» (без Ханина и Сениютина) «период становления» в среднем равен 14,9 месяца, а общая раскладка такова: менее 12 часов – 2 человека, от 6 до 10 дней – 1, от 11 до 29 дней – 3, от 1 до 6 месяцев – 2, от 5 лет 1 месяца до 10 лет – 2 человека.

В среде «авантюристов» (без Иванова, Колченко, Абаиси, Мосякина, Селиванова, Смоленцова, Нестеренко, «Бурбона», Владимиров, но с учётом Семилеткина в 1765 г.) усреднённый «период становления самозванца» равен 25,7 месяца, при этом данный срок был менее 12 часов у 2 человек, от 0,5 до 2 дней – у 2, от 6 до 10 дней – у 3, от 11 до 29 дней – у 3, от 1 до 6 месяцев – у 3, от 7 до 12 месяцев – у 2, от 1 года 1 месяца до 2 лет – у 4, от 5 лет 1 месяца до 10 лет – у 1, от 20 лет 1 месяца до 30 лет – у 1 человека.

«Блаженные» самозванцы (без Фридриха, К. Васильева, Корсаковой, Петрова) отличаются следующими показателями: средний «период становления» – 17 месяцев, при этом на данный процесс ушло менее 12 часов у 1 человека, от 6 до 10 дней – у 1, от 11 до 29 дней – у 2, от 1 до 6 месяцев – у 4, от 7 до 12 месяцев – у 1, от 1 года 1 месяца до 2 лет – у 3, от 3 лет 1 месяца до 5 лет – у 2, от 5 лет 1 месяца до 10 лет – у 1 человека.

Наконец, в среде «народолюбцев» (без Ханина, Сениютина, Иванова, Колченко, Мосякина, Селиванова, Нестеренко) указанный период в среднем занимал 7,7 месяца, однако в реальности разброс показателей был таким: «период становления самозванца» менее 12 часов – 4 человека, от 0,5 до 2 дней – 1, от 6 до 10 дней – 4, от 11 до 29 дней – 7, от 1 до 6 месяцев – 5, от 7 до 12 месяцев – 1, от 1 года 1 месяца до 2 лет – 1, от 5 лет 1 месяца до 10 лет – 2 человека.

Получается, что наименее всего были способны не торопиться с «проявлением» те самозванцы, которые планировали приобретать сторонников среди простолюдинов. Если же взять всех лжемонархов, то в среднем самые короткие «периоды становления» были у тех, кто не думал о своей выгоде или же пытался хоть как-то совместить её с интересами простых людей.

[с. 319]

Что касается времени, отпущенного самозванцам на вольную жизнь в новом качестве, т. е. от первого «объявления» (неважно, кем сделанного) до их задержания или ареста, за которым следовало осуждение и наказание, то в среднем оно составляло около 8,5 месяца.

При этом нужно учитывать, что трое самозванцев, по всей видимости, избежали ареста, а шестеро попали в руки властей ещё до «объявления». Распределение оставшихся самозванцев по группам в данном случае будет следующим: после «объявления» провели на свободе всего лишь несколько минут 14 человек, несколько часов – 7, 1–2 дня – 3, 3–4 дня – 1, 5–10 дней – 1, 11–29 дней – 4, 1–6 месяцев – 13, 7–12 месяцев – 1, от 1 года 1 месяца до 2 лет – 1, от 2 лет 1 месяца до 3 лет – 3, от 3 лет 1 месяца до 5 лет – 1, от 5 лет 1 месяца до 10 лет – 1, свыше 15 лет – 1.

Из этого следует, что мало кому из псевдомонархов удавалось пробыть на воле после «разглашения» более 1 года, – этот срок оказался роковым для 44 человек (73% всех самозванцев). Более того, почти половина этой группы (21 человек, или 35% всех самозванцев) не прожили на свободе в новом качестве и дня.

Сравним эти данные с теми, которые характеризуют разные самозванческие группы. В стане «реформаторов» (исключая Середенко) средний срок вольной жизни после «проявления» составляет 7,4 месяца, при этом дифференциация такова: продержались на свободе лишь несколько часов – 3 человека, 1–2 дня – 1, 5–10 дней – 1, 1–6 месяцев – 3, от 1 года 1 месяца до 2 лет – 1, от 2 лет 1 месяца до 3 лет – 2 человека.

У «авантюристов» (без Иванова, Сытина, Изек-бея, «Бурбона», Владимирова) средний срок вольной жизни после «объявления» равен 17,3 месяца, а прочие показатели следующие: продержались на свободе в новом качестве менее 1 часа – 4 человека, несколько часов – 3, 1–2 дня – 2, 11–29 дней – 2, 1–6 месяцев – 9, от 2 лет 1 месяца до 3 лет – 1, от 3 лет 1 месяца до 5 лет – 1, от 5 лет 1 месяца до 10 лет – 1, от 15 лет 1 месяца до 20 лет – 1 человек.

Среди «блаженных» (исключая Дубровкина, Петрова и Дьяконова) указанный выше средний показатель равен 0,9 месяца, конкретная же раскладка такова: провели на воле после «объявления» менее 1 часа – 10 человек, несколько часов – 1, 3–4 дня – 1, 11–29 дней – 2, 1–6 месяцев – 1, 7–12 месяцев – 1 человек.

В категории «народолюбцев» (без Середенко, Иванова) усреднённый срок свободной жизни после «проявления» составляет 11,7 месяца, остальные же показатели следующие: период от «объявления» до задержания (ареста) был менее 1 часа у 1 человека, несколько часов – у 7, 1–2 дня – у 3, 5–10 дней – у 1, 11–29 дней – у 2, 1–6 месяцев

[с. 320]

– у 11, от 1 года 1 месяца до 2 лет – у 1, от 2 лет 1 месяца до 3 лет – у 2, от 3 лет 1 месяца до 5 лет – у 1, от 15 лет 1 месяца до 20 лет – у 1 человека.

Бросается в глаза гигантская разница в средних показателях у «блаженных» и представителей прочих самозванческих групп. Это можно объяснить тем, что первые стремились «объявить» о себе прежде всего носителям официальной власти, а если всё же обращались к простому народу, то часто выбирали неудачное место и время (см. ниже – п. 4). Наоборот, самыми осторожными были «авантюристы» – особенно те, кто остерегался контактов с простолюдинами. Те же из них, кто не чурался вербовать себе сторонников из «низов», тем самым существенно сокращали срок своей вольной жизни в новом качестве, поскольку легче попадали на заметку властям. Последним обстоятельством объясняется, видимо, и относительная краткость вольной жизни после «проявления» в группах «реформаторов» и «народолюбцев».

Теперь посмотрим, сколь часто в России в 1762–1800 гг. имела место монархическая **самозванщина**. Судя по всему, наличием сторонников могли похвастать лишь 43% самозванцев (26 человек). Львиная их доля (19 человек, или 32% всех самозванцев) сумели обзавестись не более чем 20 соратниками, и лишь у двоих – Селиванова и Пугачёва – счёт идёт на тысячи и десятки тысяч людей. Вот полная раскладка данных по этому параметру: 1–2 сподвижников обрели 7 самозванцев, от 3 до 10 человек – 8, от 11 до 20 человек – 4, от 21 до 50 человек – 1, от 51 до 100 человек – 1, от 201 до 300 человек – 1, от 301 до 500 человек – 1, от 501 до 1000 человек – 1, от 1000 до 10 000 человек – 1, свыше 10 000 человек – 1.

В среднем получается, что на каждого из этой естественной выборки приходится по 1205 сторонников. Но если исключить Селиванова и Пугачёва, то на долю оставшихся лжемонархов придётся приблизительно по 55 человек. Среди самозванцев, сумевших обрести соратников, нет ни одного «блаженного», при этом «реформаторов» – 10, «авантюристов» – 16. «Народолюбцев» же в данной категории – 23 человека (исключены Опочинин, Изек-бей и «принц из династии Бурбонов»). Из этого следует, что сподвижники у самозванцев случайным образом не появлялись и появиться вряд ли могли. Если же сравнить самозванцев разных групп по среднему числу их соратников, то получится следующая картина: на каждого «реформатора» приходится по 2093 человек (но без Пугачёва – по 93), на каждого «авантюриста» – по 650 человек (но без Селиванова – по 25), на каждого «народолюбца» – по 1305 человек (но без Пугачёва и Селиванова – по 57).

В группе «реформаторов» у одного самозванца был всего лишь 1 сторонник, у двух – от 3 до 10 человек, у трёх – от 11 до 20 человек,

[с. 321]

у одного – от 51 до 100 человек, у одного – от 201 до 300 человек, у одного – от 501 до 1000 человек, у одного – свыше 10 000 человек.

Дифференциация среди «авантюристов» по тем же параметрам была следующей: у шести самозванцев было по 1–2 сторонника, у шести – от 3 до 10 человек, у одного – от 11 до 20 человек, у одного – от 21 до 50 человек, у одного – от 301 до 500 человек, у одного – от 1000 до 10 000 человек.

Наконец, в группе «народолюбцев» раскладка такова: у семи самозванцев – лишь 1–2 соратника, у пяти – от 3 до 10 человек, у четырёх – от 11 до 20 человек, у одного – от 21 до 50 человек, у одного – от 51 до 100 человек, у одного – от 201 до 300 человек, у одного – от 301 до 500 человек, у одного – от 500 до 1000 человек, у одного – от 1000 до 10 000 человек и у одного – свыше 10 000 человек.

Итак, хорошо видно, что в каждой из этих категорий у большинства самозванцев было не более 20 сторонников. Отсюда можно заключить, что «проявление» на глазах народа само по себе отнюдь не гарантировало самозванцам активную поддержку с его стороны. Единственное, что могло им помочь, хотя и не слишком существенно, – это подыгрыш народным чаяниям о социальных преобразованиях.

То, что «обиженные и угнетённые», как правило, весьма осторожно шли на контакты со лжемонархами, а если шли, то клятву вечной верности им не давали, следует также из анализа имеющихся данных по такому параметру, как длительность самозванщины.

На уровне всей совокупности разброс показателей весьма большой: от нескольких часов (Зайцев, Борняков, Сочнев) до 36 или даже более лет (Селиванов). Средний же показатель равен 3 годам 3 месяцам и 10 дням (39,3 месяца), а если не брать в расчёт Селиванова – 1 году 3 месяцам и 10 дням (15,3 месяца).

Конкретно же по этому параметру самозванцы подразделяются таким образом: пользовались поддержкой лишь несколько часов – 3 человека, от 2 до 14 дней – 4, от 1 до 6

месяцев – 8, от 7 до 12 месяцев – 1, от 1 года 1 месяца до 2 лет – 4, от 2 лет 1 месяца до 3 лет – 2, от 3 лет 1 месяца до 5 лет – 1, от 5 лет 1 месяца до 10 лет – 2, свыше 10 лет – 1 человек.

Итого лишь 42% лиц, оказавшихся инициаторами самозванщины (11 человек из 26), имели возможность опираться на своих сторонников дольше полугода. С другой стороны, 27% самозванцев (7 из 26) умудрялись обрести и потерять сочувствующих за две недели и даже меньший срок.

Примерно такая же картина обнаруживается и внутри каждой из групп «реформаторов», «авантюристов» и «народолюбцев»: у большинства их представителей длительность самозванщины также не превышала

[с. 322]

6 месяцев, при этом соответственно 40%, 30% и 19% их членов действовали в окружении соратников не более двух недель.

В то же время эти группы сильно отличаются друг от друга усреднёнными показателями: длительность самозванщины у «реформаторов» составляет в среднем 9 месяцев, у «авантюристов» – 56,5 месяца, а у «народолюбцев» – 39,8 месяца.

Вот полные сведения о об этих группах: а) «реформаторы»: длительность самозванщины менее 1 дня – 2 человека, от 2 до 14 дней – 2, от 1 до 6 месяцев – 2, от 1 года 1 месяца до 2 лет – 3, от 2 лет 1 месяца до 3 лет – 1 человек; б) «авантюристы»: длительность самозванщины менее 1 дня – 1 человек, от 2 до 14 дней – 2, от 1 до 6 месяцев – 6, от 7 до 12 месяцев – 1, от 1 года 1 месяца до 2 лет – 1, от 2 лет 1 месяца до 3 лет – 1, от 3 лет 1 месяца до 5 лет – 1, от 5 лет 1 месяца до 10 лет – 2, свыше 10 лет – 1 человек; в) «народолюбцы»: срок менее 1 дня – 3 человека, от 2 до 14 дней – 4, от 1 до 6 месяцев – 7, от 7 до 12 месяцев – 1, от 1 года 1 месяца до 2 лет – 3, от 2 лет 1 месяца до 3 лет – 2, от 3 лет 1 месяца до 5 лет – 1, от 5 лет 1 месяца до 10 лет – 1, свыше 10 лет – 1 человек.

Получается, что те, кто обещал провести социальные преобразования в интересах народа, пользовались его поддержкой в 6 раз меньший срок, чем обычные корыстолюбцы!

Обратим также внимание на то, что самозванщина не прекращалась одновременно с арестом её инициатора – даже после этого находились люди, которые какое-то время продолжали считать схваченного самозванца «подлинным государем». При этом типичные группы лжемонархов чётко отличаются друг от друга разницей между средней длительностью самозванщины и усреднённым сроком вольной жизни самозванца после «объявления»: у «реформаторов» эта разница составляет 1,6 месяца, у «авантюристов» – 39,2 месяца, а у «народолюбцев» – 28,1 месяца. Выходит, что верность участников самозванщины их «государю», как правило, не зависела от наличия и количества обещаний с его стороны улучшить их жизнь.

Перейдём теперь к социологии самозванства. Начнём с выяснения подданства интересующих нас лиц на момент их «проявления».

Из всех самозванных обладателей монаршего статуса 52 человека (87 %) были подданными Российской короны. Что касается иностранцев, то среди них преобладают выходцы из государств, соседствующих с Россией, – Пруссии (Гаудекер), Саксонии (Шнидер), Курляндии (Баташевский), Дании (Бинг), Польши (Нестеренко). «Дальнее зарубежье» представляет лишь безымянный французский эмигрант, игравший роль «принца из династии Бурбонов», а также, возможно, Изек-бей и Абаиси, о которых точных сведений нет, но они тоже могли

[с. 323]

быть французскими подданными, т. к. предпочитали говорить на языке Вольтера.

При совмещения данного угла зрения с типологическим анализом вырисовывается следующая картина: все «реформаторы» и почти все «народолюбцы» (за исключением Нестеренко) – российские подданные; среди «авантюристов» – 6 иностранцев, а среди «блаженных» – 2. Этим доказывается в общем-то очевидный тезис: мечтают или хотя бы говорят о социальных преобразованиях, а также обращаются за поддержкой к народу те, кто хорошо знает обстановку в стране и жизнь простых людей.

Характеристика самозванцев по национальному составу такова: среди российских подданных 40 человек (77% от их числа, или 67% всех самозванцев) – точно или предположительно русские, 7 человек (13% от их числа, или 12% всех самозванцев) – украинцы, 3 человека (6% от их числа, или 5% всех самозванцев) – предположительно немцы, 1 человек – армянин, 1 человек (Пакарин) – вероятно, нерусский, но определить его национальность не представляется возможным. Среди иноземцев представлены 5 национальностей: немцы (Гаудекер, Шнидер), датчанин (Бинг), поляки (Баташевский), украинцы (Нестеренко) и французы (беглый каторжник, а также, возможно, Изек-бей и Абаиси).

Среди «реформаторов» представлены лишь русские (9 человек) и украинцы (3 человека). У «авантюристов» же – прямо-таки интернационал: 21 человек русских, украинец, немец, армянин, датчанин, поляк и 3 француза. К «блаженным» (исключая Пакарина) относятся 10 русских, 3 украинца, 4 немца и поляк. Наконец, «народолюбцы» – это 23 русских, 7 украинцев, немец и армянин.

Таким образом, нельзя сказать, что монархическое самозванство в России в 1762–1800 г. – это явление исключительно русской культуры, однако вполне допустимо говорить, что оно по преимуществу – продукт восточнославянской культуры. Особенно верно такое утверждение применительно к «реформаторам», а также к тем «авантюристам», которые активно контактировали с простыми людьми.

Социальное происхождение всех самозванцев установить, хотя бы гипотетично, не удалось – есть сведения лишь о 50 из них (45 – россияне). Среди иностранцев, по всей видимости, нет ни одного человека дворянского происхождения, при этом в наличии 2 бюргера и 1 помещичий крестьянин. Среди россиян 10 человек – выходцы из дворян, 7 – из «мещан» и купцов, 6 – из казаков (4 – из слободских, 2 – из донских), 2 – из церковнослужителей, 19 – из крестьян: 8 – из помещичьих, 2 – из монастырских, 3 – из дворцовых, 6 – из государственных (4 – из однодворцев, 1 – из приписных крестьян, 1 – из ясачных); 1 человек отнесён к «недворянам».

[с. 324]

Итак, на уровне всей совокупности среди самозванцев преобладают выходцы из «низов», ибо недворян в целом в 4 раза больше, чем представителей привилегированного сословия. Стало быть, популярное суждение, что монархическое самозванство в России – это атрибут по преимуществу народной, «низовой» субкультуры, оказывается близким к истине. Однако нужно проверить его на уровне отдельных самозванческих групп.

Среди «реформаторов» представлены следующие страты: дворяне – 2 человека, казаки – 3, церковнослужители – 1, крестьяне – 6 (помещичьи – 3, дворцовые – 1, государственные – 2).

В группе «авантюристов» (без Абаиси, Амвросия, Заварзиной, Иванова, Изек-бея, «Бурбона») присутствуют представители: дворян – 7 человек, купцов – 3, мещан (бюргеров) – 3, крестьян – 10 (помещичьих – 6, монастырских – 1, дворцовых – 1, государственных – 2).

Среди «блаженных» (без Гришина, Дубровкина, Петрова, Фридриха) находятся: дворяне – 1 человек, купцы – 1, мещане (бюргеры) – 2, казаки – 3, церковнослужители – 1, крестьяне – 4 (монастырские – 1, дворцовые – 1, государственные – 2); ещё трое – предположительно недворяне, но более точно сказать нельзя.

В категории «народолюбцев» (без Иванова и Заварзиной) социальная стратификация следующая: дворяне – 5 человек, купцы – 3, мещане – 1, казаки – 5, церковнослужители – 1, крестьяне – 15 (помещицы – 8, дворцовые – 2, государственные – 5).

Бросается в глаза отсутствие среди «реформаторов» людей, родившихся в семьях торговцев и ремесленников, а среди «авантюристов» – выходцев из казаков и церковнослужителей, правда, интерпретация этого факта пока вызывает затруднения. При этом в данных группах не слишком разнится удельный вес выходцев из крестьян (50% и 43% соответственно) и вообще из недворян (83% и 70% соответственно). Это может означать лишь одно: сам факт рождения будущего самозванца среди «черни» ещё не предопределял его превращение в «народного заступника» под видом лжемонарха.

И всё же в одном случае обнаруживается довольно жёсткая корреляция между социальным происхождением самозванца и его настроением, целями и поведением на стадии «игры в монарха». Думается, не случайно 70% самозванцев дворянского происхождения входят в группу «авантюристов», а среди «народолюбцев» их лишь 17%. Продуктом «низовой» субкультуры можно считать лишь монархическое самозванство, не связанное исключительно с корыстными целями. При этом нужно делать поправку на то, что среди лжемонархов, чья деятельность отвечает указанному критерию, были носители не только восточнославянской и православной (см. ниже) культуры.

[с. 325]

Теперь надо выяснить самое важное – социальный статус лжемонархов накануне «проявления». Для этого проанализируем состав самозванцев по таким параметрам, как пол, правовой статус, вероисповедание, имущественное положение, семейное положение, занятия, образование и кругозор.

Итак, женщин среди самозванцев очень мало – всего 5 (8 %). Возможно, это обусловлено той особенностью массового сознания в России XVIII в., о которой шла речь ранее, – патриархальным взглядом на политику как на дело мужчин. К такому выводу подводит и картина присутствия женщин в основных самозванческих группах: 3 – среди «авантюристов», по 1 – среди «реформаторов» и «блаженных». При этом лишь представитель последней группы (Корсакова) не вошла в категорию «народолюбцев».

Переходя к разговору о правовом статусе самозванных членов монарших фамилий в России в 1762–1800 гг., следует заметить, что внешне законопослушных и «благопристойных» лиц было больше, нежели маргиналов.

К последним относятся: 1) отставные военнослужащие, не приписавшиеся к новому или прежнему (до службы) сословию (4 человека, или 7% всех самозванцев), 2) не сделавшие того же освобождённые каторжники и ссыльные (2 человека), а также те, кто по-прежнему находится в ссылке или на каторге (2 человека), 3) беглецы-бродяги, скрывающиеся от властей (13 человек, или 22% всех самозванцев). Итого маргиналов – 21 человек (35% всех самозванцев).

Интересно, что беглые крестьяне – исключительно помещицы, но их всего 3 человека (21% беглецов). На первом месте среди беглых стоят военнослужащие – 6 человек (43% беглецов, или 10 % всех самозванцев). Остальная часть бродяг включает по одному представителю купцов, мещан, церковнослужителей, каторжников и ссыльных.

Из числа «благопристойных» лиц самозванцами становились: 1) незнатные иностранцы вне государственной службы – 6 человек (10% всех самозванцев), 2) из россиян: дворяне – 10 человек (17%), чиновники недворянского происхождения – 2 человека (3%), военнослужащие (казаки, солдаты и унтер-офицеры) – 7 человек (12%), крестьяне – 8 человек (13%), купцы и мещане – 4 человека (7%), духовные лица – 2 человека (3%).

Анализ правового статуса лжемонархов по их типичным группам принёс не менее интересные результаты. Оказалось, что две трети «реформаторов» – маргиналы (1 отставник, 2 освобождённых каторжанина, 5 беглецов-бродяг) и лишь одна треть – «благопристойные» лица (2 дворянина, 1 военнослужащий, 1 крестьянин).

Среди «авантюристов» пропорция почти та же, но в пользу «благопристойных», которых 62% (18 человек: 4 иностранца, 7 дворян,

[с. 326]

2 военнослужащих, 3 крестьян, 1 мещанин, 1 церковнослужителей); к маргиналам же относятся 8 беглецов, 2 ссыльных и 1 отставник.

У «блаженных» самозванцев перевес в пользу «благопристойных» ещё больше – их в данной группе 89% (17 человек из 19): 2 иностранца, 1 дворянин, 2 чиновника, 4 военнослужащих, 4 крестьян, 3 купцов и мещан, 1 церковнослужитель; из маргиналов же представлены 2 отставника.

В категории «народолюбцев» доли маргиналов и «благопристойных» примерно равны: 53% и 47% соответственно.

Напрашивается вывод, что существует корреляция между маргинальным существованием самозванца и его «реформаторскими» наклонностями. Иначе говоря, если у потенциальных лжемонархов не было проблем с официальной властью, то они, ступив на самозванческое поприще, в подавляющем большинстве случаев не представляли для неё опасности. При этом нельзя сказать, что самозванцы-маргиналы не решались обращаться к простым людям за поддержкой или, напротив, что тем лжемонархам, которые имели «нормальный» правовой статус, было легче решиться на это и проще это сделать. Нельзя также утверждать, что желание выдать себя за монарха всегда связано с низким жизненным уровнем потенциальных самозванцев. Об этом свидетельствует системный анализ их имущественного положения.

Различение самозванцев по материальным условиям их существования накануне «проявления» базируется на сведениях, частью гипотетических, лишь о 55 человеках. Их дифференциация такова: 35 человек (58% всех самозванцев) были бедными (разумеется, по меркам того социального слоя, в котором данный самозванец вращался), 12 человек (20%) – состоятельными и лишь 1 человек – богатым. О прочих самозванцах точных сведений нет, поэтому они разбиты на две категории: 3 человека причислены к «небогатым» (они могли быть и бедными, и состоятельными) и 4 человека – к «небедным» (они могли быть и состоятельными, и богатыми).

Среди «реформаторов» 83% (10 человек из 12) – бедные самозванцы и только один состоятельный (Опочинин), ещё один (Ханин) предположительно отнесён к «небедным». В составе «авантюристов» (исключая Заварзину) бедных – 64% (18 человек из 28), им составляют компанию 6 состоятельных, 3 «небогатых» и 1 «небедный». У «блаженных самозванцев» (без Г. Васильева, Родде, Фридриха, Шурыгина) доля бедных ещё ниже – 47% (7 человек из 15), зато 5 состоятельных, 1 богатый (Дьяконов) и 2 «небедных». Среди «народолюбцев» (без учёта Заварзиной) бедные составляют 68% (21 человек из 31), к ним добавляются 6 состоятельных, 2 «небогатых» и 2 «небедных».

Таким образом, бедность не всегда сопровождает потенциального лжемонарха, а если она всё же гнетёт его, то, опять же, не всегда он ставит

[с. 327]

перед собой меркантильные цели. Но даже если такие цели поставлены, это ещё не значит, что самозванец ими и ограничится, – подобное корыстолюбие имело место лишь в половине случаев.

Конфессиональный состав интересующих нас персонажей российской истории отличается тем, что перед нами только христиане (о Изек-бее сведений нет). Подавляющее большинство (48 человек или 80% всех самозванцев) исповедовали православие в его русском варианте: 46 человек принадлежали к официальной церкви и всего 2 человека – к числу духовных оппозиционеров («староверию» и скопчеству). Другие ветви христианства представляли 4 лютеран (7% всех самозванцев) и армянин (Асланбеков). Вероисповедание оставшихся 6 человек точно определить не удалось, но все они, скорее всего, были христианами.

К «реформаторам» относятся исключительно православные, среди которых лишь один «старовер» (Семилеткин). В стане «авантюристов» (без Изек-бея и трёх человек, лишь предположительно зачисленных в христиане) находятся 22 православных (включая Селиванова – сектанта), 2 лютеран и представитель армяно-григорианской церкви. Среди «блаженных», помимо трёх самозванцев, гипотетически фигурирующих в качестве христиан, обнаруживаются лишь православные-«никониане» (14 человек) и лютеране (2 человека). Что же до «народолюбцев», то в этой категории имеются представители всех конфессий: православные (30 человек включая «старовера» и сектанта), лютеране (1 человек) и армяно-григорианец.

Надо заметить, что только Асланбеков испытывал дискомфорт и скрывал свою истинную религиозную принадлежность, выдавая себя за грузина, но не потому, что ему грозили преследования со стороны российских властей, а потому, что он хотел избежать предубеждённого к себе отношения в среде простолюдинов¹³¹. Остальные представители неправославных конфессий не только не страдали от преследований, но и не стеснялись своей «чужеродности», а некоторые (Замыцкий, Пакарин) состояли на государственной службе.

Итак, царственное самозванство в России в 1762–1800 гг. было тесно связано с религиозными, причём христианскими, воззрениями. Однако нельзя сказать, что оно росло исключительно на почве православия. Нельзя говорить и о том, что оно питалось идеями и настроениями, оппозиционными официальному православию, и было одной из форм социального протеста под религиозными лозунгами.

При этом получает новое подтверждение приведённый выше тезис, что возвещали о социальных преобразованиях и/или обращались к народу за поддержкой только те самозванцы, для которых российская жизнь и культура были или стали родными.

О семейном положении самозванцев сведения, увы, неполные. Из 55 человек, о которых на этот счёт имеется хоть какая-то информация, к

[с. 328]

моменту «проявления» 36 были холостыми или монахами (здесь одни мужчины), 12 состояли в браке, 4 находились на положении вдовца или вдовы и, наконец, 3 человека были в разводе или просто жили врозь.

Получается, что в 60% случаев самозванцами оказывались те, кого не обременяла ответственность за судьбу их домочадцев, кто в этом смысле был совершенно независим. Соответственно вряд ли прав Ф. Лонгуорт, посчитавший, что монархическое самозванство было уделом главным образом семейных людей¹³². Но следует ещё посмотреть, как обстояло дело на уровне типичных самозванческих групп.

Почти все «реформаторы» были свободны от семьи: 9 холостых, 2 разведённых и лишь 1 состоящий в браке (Пугачёв), да и тот в реальности был оторван от семьи, находясь в бегах. Доля женатых среди «авантюристов» (без Иванова и Мосякина) хотя и больше почти в 2 раза, но всё равно очень мала – 15% (4 человека из 27), остальные – это 20 холостяков, 2 вдовцов и

1 разведённый. Зато в среде «блаженных» (без Фридриха, Шурыгина и Родде) удельный вес женатых самозванцев составляет почти 38% (6 человек из 16), при этом разведённых нет, а холостых и вдовых – соответственно 9 и 2 человека. Состоящих в браке «народолюбцев» – 23% (7 человек из 30), прочие члены этой общности по семейному положению делятся на холостых (18 человек), вдовых (2 человека) и разведённых (3 человека).

Следовательно, монархическое самозванство в России в 1762–1800 гг. было уделом по преимуществу бессемейных лиц. При этом их больше всего было среди тех самозванцев, чья деятельность являлась наиболее опасной с точки зрения властей, поскольку несла в себе угрозу беспорядков и восстаний.

Теперь остановимся на занятиях самозванцев накануне их «проявления». Нет лишь сведений о Фридрихе. В целом картина получилась довольно пёстрая: а) «лица физического труда» – 14 человек (23% всех самозванцев): 7 человек трудились по найму, 4 – занимались земледелием и/или работой по дому, 3 – работали на заказ (кузнец, портной, книжный переплётчик); б) «лица умственного труда» – 18 человек (30% всей совокупности): 9 человек состояли на государственной службе (5 – на военной, 4 – гражданской), 3 – служили на духовном поприще (1 – неофициально), 2 – были знахарями, 2 – торговали, 1 – занимался ростовщичеством, 1 – учительствовал; в) «бездельники» – 27 человек (45%): 10 человек жили осёдло в безделье за свой счёт или на средства других, 8 – бродили в поисках пропитания и крыши над головой, 6 – жили в условиях несвободы (3 – в тюрьме, 2 – на каторге или в ссылке, 1 – в доме для сумасшедших), 3 – официально путешествовали.

Получается, что неприкаянность и безделье сопровождали менее чем половину самозванцев. Значит, эти факторы нельзя считать

[с. 329]

универсальными на уровне всей изучаемой совокупности. При этом стоит обратить внимание на и то, что среди самозванцев, занятым каким-либо делом, примерно одинаков удельный вес «умственных» и «физических работников». Значит, идея монархического самозванства с равной долей вероятности могла зародиться как в голове «интеллектуала» – человека, имевшего время на досужие размышления, так и в голове того, кто работал, так сказать, не головой, а руками.

Однако посмотрим, как обстоит дело на уровне типичных самозванческих групп. Среди «реформаторов» (12 человек) удельный вес «лиц умственного труда» минимален – 2 человека (оба военнослужащие), остальные поделились примерно поровну: 4 человека – «лица физического труда» и 6 – «бездельники». Среди «авантюристов» (29 человек) на первом месте тоже стоят «бездельники» (17 человек, или 59% группы); далее идут «интеллектуалы» (9 человек, или 31% группы), а «физических работников» – всего 3 человека. Между последними двумя категориями в стане «блаженных» (18 человек) соблюдается паритет – и тех и других по 7 человек (по 39%), «бездельников» же – 4 человека. Для «народолюбцев» (32 человека) характерен такой расклад: 47% «бездельников» (15 человек), 28% «лиц умственного труда» (9 человек) и 25% «физических работников» (8 человек).

Итак, сознательное, добровольное безделье будущих лжемонархов перед их «проявлением» чаще всего приводило к тому, что они, меняя свой статус, ограничивались узкокорыстными целями. В половине случаев к тому же подталкивало и безделье вынужденное, не зависящее от воли человека, но в другой половине случаев оно заставляло самозванца совмещать его личные интересы с интересами других людей.

Тот факт, что лишь четверть самозванцев, обращавшихся за поддержкой к «черни», занимались перед «проявлением» физическим трудом, возможно интерпретировать следующим образом: для подобного обращения необходимы были свободное время и навыки

риторического (убеждающего) общения, а соблюсти эти условия могли прежде всего «бездельники» и «лица умственного труда».

Если говорить о кругозоре и уровне образования самозванных монархов и членов их семей, действовавших в России в 1762–1800 гг., то выявляется интересный факт: среди указанных лиц как минимум половину составляли грамотные люди.

К сожалению, соответствующие сведения имеются лишь о 50 самозванцах (44 из них – россияне). Умели читать и писать или хотя бы читать на родном языке, как минимум, 31 человек, что составляет 52% всех лжемонархов. Грамотных людей среди российских подданных было не менее 26 человек (43% всех самозванцев, или 50% всех россиян).

О том, что далеко не все самозванцы были «тёмными», свидетельствует и знание ими иностранных языков. Изек-бей освоил русскую

[с. 330]

речь, правда, не известно, научился ли он писать по-русски. Зато известно, что говорили и писали как на родном языке, так и на русском армянин Асланбеков и немец Мейбом. Датчанин Бинг делал это, помимо родного языка, на французском и латыни. Поляк Баташевский на таком же уровне знал не только русский, но и немецкий. Опочинин тоже говорил и, вероятно, писал по-немецки. На уровне письма и речи немецким и французским владел Пакарин, а Сытин, помимо этих языков, – также польским и латынью. Латынь знал, вероятно, и Родде (врач). Наконец, Бунин помимо русской грамоты, если ему верить, немного знал турецкий, татарский и валашский языки, хотя не известно, мог ли он читать и писать на них. Вполне вероятно, что подобных людей было гораздо больше – просто не все источники содержат соответствующую информацию.

Ряд самозванцев из числа российских подданных читали или изучали на слух «духовные» книги и знали основы богословия (9 человек), читали светскую литературу (Асланбеков, Мейбом и, видимо, Дубровкин), бывали за границей (10 человек) или много путешествовали по территории Российской империи (6 человек). Кое-кто из них получил образование в официальных учебных заведениях (Пакарин, Сытин и, видимо, Родде). Некоторые, вероятно, получили домашнее образование – по крайней мере, двое знали математику (Кретов, Сытин). Ещё двое (Асланбеков и Мосякин) довольно успешно подвизались на ниве знахарства.

Стало быть, ссылки на «темноту и невежество» или на «общий низкий уровень образования», которые делают некоторые исследователи, пытаясь выявить предпосылки монархического самозванчества¹³³, если и могут быть приняты, то лишь с большими оговорками.

Выясним теперь уровень образования и кругозора у представителей типичных самозванческих групп. У «реформаторов» (без Савёлова) дело обстоит так: грамотных – не менее 5 человек (42% всей группы), из которых один (Опочинин) владел также иностранным языком; 1 человек читал «духовные» книги и знал основы богословия; 2 человека бывали за границей; 3 человека много путешествовали по стране.

В группе «авантюристов» (без Колченко, Забелина, Заварзиной, Изек-бея) показатели такие: грамотных – не менее 18 человек (72% всей группы), из них 3 человека владели также иностранными языками; 4 человека читали «духовные» книги и знали основы богословия; 1 человек читал светскую литературу; 7 человек бывали за границей; 3 человека много путешествовали по стране; 2 человека учились в образовательных учреждениях; не учась в подобных учреждениях, получили научные или магические знания 3 человека.

[с. 331]

У «блаженных» (без Дьяконова, Леонтьева, Петрова, Фридриха, Шнидера) соответствующая раскладка такова: грамотных – не менее 8 человек (57% всей группы), из них 4 человека владели также иностранными языками; 4 человека читали «духовные» книги и знали основы богословия; 2 человека читали светскую литературу; 1 человек бывал за границей; 2 человека учились в образовательных учреждениях; не учась в подобных учреждениях, получил научные знания 1 человек.

Среди «народолюбцев» (без Савёлова, Колченко, Заварзиной) положение следующее: грамотных – не менее 15 человек (47% всей группы), из них 2 человека владели также иностранными языками; 5 человек читали «духовные» книги и знали основы богословия; 2 человека читали светскую литературу; 8 человек бывали за границей; 5 человек путешествовали по стране; 3 человека получили научные или магические знания, не учась в образовательных учреждениях.

Хорошо видно, что доля грамотных и обладающих относительно широким кругозором людей была наибольшей среди «авантюристов», а наименьшей – среди «реформаторов» и «народолюбцев». Это можно объяснить тем, что развитие интеллекта и повышение образовательного уровня индивида чаще всего сопровождаются ростом индивидуализма и тем, что человек находит пути к личному преуспеянию в рамках существующего социального порядка, слом которого или перестройка видится либо ненужным, либо слишком хлопотным делом.

Ещё можно заметить, что характер деятельности грамотных лжемонархов (тип их самозванства) не зависел от того, какую литературу – «духовную» или «мирскую» – они ранее читали. При этом крен их читательских предпочтений в сторону «душеспасительной» литературы показывает, что одной из культурных предпосылок монархического самозванства можно считать, хотя и с оговорками, традиционную, по сути своей средневековую, систему получения образования.

4. ДИАЛЕКТИКА МОНАРХИЧЕСКОГО САМОЗВАНСТВА И САМОЗВАНЩИНЫ

Переходя к выявлению и осмыслению основных «правил игры», которые массовое сознание предписывало самозванным носителям высшего светского статуса в России в 1762–1800 гг., прежде всего отметим, что нет ни одного случая подговора на самозванство, т. е. ситуации, когда один человек просит или заставляет другого откровенно дурачить окружающих, а сам лишь делает вид, что верит новоиспечённому «монарху».

Даже И. Батюшков и М. Тюменева, убедившие соответственно И. Опочинина и В. Бунина в том, что последние – «государя», сами

[с. 332]

искренне верили в это, – быть может, потому и смогли убедить¹³⁴. Скорее всего, сознательная подготовка человека «в самозванцы» как вариант хитроумной аферы была просто невозможной.

Кроме того, следует отметить, что самозванные носители высшего светского статуса предпочитали «объявлять» о себе сами, лично: только в трёх случаях (с Асланбековым, Кретовым и Буниным) первоначальное «разглашение» делал не самозванец, а другое лицо.

Далее, можно полагать, что в России в 1762–1800 гг. заявления типа «Я – царь», «Я – сын императрицы» и т. п. чаще всего имели первым следствием настороженность, недоверие и/или страх, которые рождались даже у простолюдинов и которые далеко не всегда сменялись доверием к самозванцу. Явные свидетельства тому содержатся в следственных делах о Семилеткине¹³⁵, Чернышёве¹³⁶, Мейбоме¹³⁷, Кретове¹³⁸, Андрееве¹³⁹, Забелине¹⁴⁰, Фоменко¹⁴¹, Бинге¹⁴², Галушке¹⁴³, Сорокине¹⁴⁴, Зайцеве¹⁴⁵, Бунине¹⁴⁶, Нестеренко¹⁴⁷, Петерикове¹⁴⁸.

Неслучайно поэтому первоначальное «объявление» происходило, как правило, в узком кругу или с глазу на глаз: лишь 4 самозванца из 53, о которых есть необходимая информация, творили начальное «разглашение» перед аудиторией более 3 человек; 21 самозванец предпочли взять в свидетели «объявления» лишь по 1 человеку, а 28 лжемонархов – по 2–3 человека.

Теперь сосредоточим внимание лишь на поведении и участии «народолюбцев».

Не известно ни одного случая, когда бы самозванец получил поддержку у людей, давно знающих его – лично или понаслышке. Если самозванный монарх приобретал сторонников, то это обязательно происходило там, где он был чужаком. И наоборот – если в число сподвижников самозванца вдруг попадали знавшие его в прежнем качестве, это кончалось их «изменой», разложением оставшихся «подданных» и выдачей лжемонарха властям. По крайней мере, так было в случае с Пугачёвым¹⁴⁹. Таким образом, хотя в народном сознании и жило представление о богоизбранности «подлинного» государя, оно всё-таки не базировалось на идее, что носителем высшей власти может быть выходец из «черни».

Интересная картина вырисовывается, если проанализировать данные о числе присутствующих на первоначальных «объявлениях» самозванцев данной группы.

Среди 10 «народолюбцев»-«реформаторов», о которых есть соответствующие сведения (исключается Богомолов), нет ни одного, кто бы «проявился» перед аудиторией свыше 3 человек: пятеро это сделали в присутствии лишь 1 человека, а другие пятеро – в присутствии 2–3 человек.

[с. 333]

Из «народолюбцев»-«авантюристов» лишь 2 «проявились» в присутствии 4 и более человек; 8 самозванцев это сделали на глазах всего 1 человека, а 4 – на глазах 2–3 человек (о Асланбекове, Селиванове, Сочнев даных нет).

Что касается четвёрки «блаженных», то Ушаков сделал свидетелями своего «объявления», по всей видимости, более десятка человек, Галушка ограничился одним, Мейбом – двумя, а Фоменко – не более чем пятью.

Итак, если взять всех самозванцев, искавших поддержку в народе, то нужная в данном контексте информация имеется о 28 лицах, при этом 14 раз «объявление» происходило в присутствии 1 человека, 10 раз – в присутствии 2–3 человек и лишь 4 раза (включая Фоменко) – перед более многочисленной аудиторией.

Судьбы «народолюбцев» свидетельствуют и о том, что отнюдь не каждый человек, выдававший себя за «настоящего» монарха и даже обещавший облегчить жизнь простых людей, получал их поддержку. А если же всё-таки получал, то поддержка эта не была безусловной и безоговорочной.

Во-первых, 9 самозванцев (28% «народолюбцев») не обрели сторонников – это Сенютин и Середенко («реформаторы»), Заварзина, Краснощёкова и Замыцкий («авантюристы») и вся четвёрка «блаженных». Во-вторых, никто из оставшихся 23 самозванцев, кроме Кретова, не имел соратников, которые бы точно знали, что контактируют с обманщиком, и при этом сохраняли бы ему верность. Да и у Кретова был всего один такой сподвижник¹⁵⁰. В-третьих, 8 человек (по 3 «реформатора» и «авантюриста» и двое «блаженных») провели на свободе после «объявления» не более нескольких часов (см. приложение 1)¹⁵¹. Это составляет 25% «народолюбцев» (хотя нужно учесть, что Иванов не был пойман, а Середенко ещё до «объявления» оказалась под арестом). Причём все «реформаторы» (Зайцев, Сенютин, Борняков) и по одному из «авантюристов» (Сочнев) и «блаженных» (Ушаков) были схвачены лицами, находившимися среди тех, перед кем совсем недавно имело место «разглашение». В трёх случаях (с Чернышёвым, Мейбомом и Краснощёковой) свидетели «объявления» делали доносы на самозванцев. Если же взять и тех лжемонархов, кто провёл на свободе после

«объявления» больше одного дня, то к данному списку добавляются «реформатор» Кремнев и «авантюристы» Заварзина, Бунин и Петериков.

Итого – 12 «народолюбцев», арестованных по инициативе кого-либо из присутствовавших на «объявлении» (неважно – сделанном лично самозванцем или его соратником) или схваченных непосредственно ими. В другом выражении это почти 38% лжемонархов, пытавшихся

[с. 334]

найти сторонников среди простолюдинов, или 20% всех самозванцев, действовавших в России в 1762–1800 гг.

В-четвёртых, можно говорить о 8 случаях настоящей измены самозванцу, когда он терял свободу и попадал в руки властей при непосредственном участии его недавних сторонников. Из числа «реформаторов» подобная участь была уготована Богомолу, Пугачёву, Савёлову и Борнякову, а из числа «авантюристов» – Кретову, Мосякину, Петерикову и Сочневу. Доля этих бедолаг в группе «народолюбцев» равна 25%, в общем составе самозванцев – 13%.

В целом же получается, что лжемонархов, схваченных по инициативе или непосредственно теми, на чью поддержку они рассчитывали или чей поддержкой они уже пользовались, было 20 человек, что составляет почти 63% «народолюбцев» или 33% всех самозванцев интересующего нас периода.

Осмысление того, что изложено выше, позволяет сделать следующий вывод: в народном сознании не было единого, общего для всех слоёв и регионов, представления о том, как должен выглядеть и вести себя «настоящий» монарх, скрывающийся от властей, и как вести себя в ситуации, если он перед тобой «проявляется». Причём носители различных, даже противоположных, воззрений на этот счёт часто жили бок о бок или в небольшом отдалении друг от друга – к примеру, в соседних поселениях.

Например, в начале первого выступления Богомолова на самозванческом поприще (перед волжскими казаками) среди его потенциальных и уже имеющих сторонников обсуждался вопрос: похож ли он на Петра III или нет? Некоторые казаки находили у него сходство с покойным императором, а другие сомневались: «говорили, что хотя этот незнакомец и не похож на бывшего государя, но как тому прошло уже много лет, когда объявлено было о кончине Петра Фёдоровича, то он мог и перемениться»; «хотя сей признаваемый от бывшего и отменен, однако жь, может статья, он, как много лет уже тому минуло, то переменился»¹⁵².

За примерами можно обратиться и к истории пугачёвщины. Для яицких казаков, которые посоветовали Пугачёву жениться на У. П. Кузнецовой, данный брак, видимо, не противоречил образу «подлинного государя». Между тем другие сподвижники самозванца и даже сама У. Кузнецова оказались в недоумении, как может царь жениться на простолюдинке, да ещё при живой жене (Екатерине II)¹⁵³.

После захвата оренбургского форпоста Пугачёв явился в храм Георгия Победоносца, сел на церковный престол и, плача, проговорил: «Вод, детушки! Уже я не сиживал на престоле 12 лет». Результат был такой: «...Многие толпы его поверили, а другия оскорбились и разсуждали так:

[с. 335]

естьли бы и подлинно он был царь, то не пригоже сидеть ему в церкви на престоле». Действительно, лицам несвященнического сана нельзя было не только прикасаться к церковному престолу, но и даже проходить между ним и «горним местом»¹⁵⁴.

Преступлением Пугачёва, с точки зрения «никониан», было и то, что он делал попущения «староверам» – например, допускал надругательства над иконами, написанными в нетрадиционной манере. Разумеется, у «раскольников» на этот счёт было иное мнение¹⁵⁵.

Ещё один пример: Кретов оттолкнул от себя своих немногочисленных сторонников, помимо прочего, тем, что «пил почти без просыпу»¹⁵⁶. А вот Кретов¹⁵⁷, Чернышёв¹⁵⁸, Богомолов¹⁵⁹, Никифоров¹⁶⁰ и Попович¹⁶¹, которые пьянствовали, своих подручных этим отнюдь не пугали – может, потому, что пили вместе с ними. У Бунина ситуация оказалась более сложной: потенциального сторонника (монахиню Пиору) он своей любовью к выпивке оттолкнул¹⁶², но его верная помощница Тюменева смотрела на эту слабость более спокойно¹⁶³.

Следует заметить, что люди, облечённые хоть какой-то формальной властью, – например, представители мирского самоуправления (старосты, десятские, сотские, «атаманы», войты и пр.), казачьи командиры нижнего звена, полицейские и даже сторожа – чаще всего питали стойкое недоверие к самозванцам и прилагали усилия к их задержанию. В этом деле у них, как правило, находились помощники из числа рядовых подданных, другая часть которых в то же время могла стоять за самозванца.

Статистика свидетельствует: рядовые представители непривилегированных сословий (исключая солдат на службе) участвовали в поимке самозванцев, не будучи ранее их сторонниками, 7 раз, и в каждом случае самозванец (Никифоров, Ханин, Сорокин, Попович, Зайцев, Сенютин, Замыцкий) брался под караул по инициативе одного или нескольких носителей низшей власти – выборной или официальной. Подобное взаимодействие начальника и подчинённых на низовом уровне, возможно, имело место ещё в двух случаях – с Асланбековым и Галушкой.

Остаётся заключить, что продолжительность и результаты самозванческого предприятия в немалой степени зависели от множества случайных факторов – особенностей группового и личностного сознания тех людей, с которыми самозванец вступал в контакт, мировоззрения и настроений местных носителей светской и духовной власти, близости/отдалённости от места «проявления» центров государственного управления и воинских частей, социально-политической обстановки в стране и в регионе и пр.

И всё-таки можно говорить о некоторых закономерностях или, по крайней мере, основных тенденциях развития самозванческого предприятия после «объявления».

[с. 336]

Успех на исходном этапе самозванческого предприятия (накануне, во время и вскоре после первого «объявления») в немалой степени зависел от обстоятельств «проявления» – места, времени, обстановки, а также от манеры поведения и общения самозванца.

Так, вызывал недоверие уже сам факт «объявления» в месте, не подобающем, с точки зрения массового сознания, для такой важной процедуры. Это видно на примере судеб Сенютина, «разглашавшего» о себе в питейном заведении, Фоменко, сделавшего подобное на степной дороге, а также Мейбома, Заварзиной и Галушки, «проявившихся» в их собственных домах.

С другой стороны, пример Ушакова, «объявившего» о себе в церкви после окончания службы и тут же схваченного, показывает, что сам по себе правильный выбор места ещё не гарантировал самозванцу успеха в его обращении за поддержкой к народу.

Скорое завершение самозванческой карьеры Савёлова предопределил, в частности, неудачный выбор им времени и условий «проявления» – в образе государя он общался только по ночам и при этом велел не зажигать огня и не показывал своё лицо, позволяя думать о себе как о злодее, который может во тьме убить¹⁶⁴.

Что касается манеры поведения и общения лжемонарха, то она играла важную роль не только на исходном этапе самозванческого предприятия, но и на последующем. Она должна

была соответствовать массовым представлениям о «подлинном» государе, скрывающемся до поры от властей. Прежде всего от самозванца требовалось говорить и вести себя чинно и благородно, демонстрировать чувство собственного достоинства.

Отсутствие указанных качеств было ещё одной причиной гибели уже в зародыше самозванческого предприятия Савёлова. Он чуть ли не сразу после «объявления» о себе начал вымогать деньги: сначала потребовал принести 100 руб., но, не получив их, умерил аппетит и дошёл до того, что стал просить хотя бы 3 руб.¹⁶⁵ Подобная алчность, явно сопряжённая с бесхребетностью и неуважением к себе, подвела и Борнякова. Мало того, что он просил у выборного крестьянина денег, так ещё и постепенно уменьшал сумму, получая отказы, причём когда выборный отказал самозванцу в первый раз, тот приказал его сечь розгами, но быстро передумал¹⁶⁶.

Уместно здесь привести и характеристики Кретова, данные двумя его сторонниками. Поначалу им импонировало то, что он был «честен и в обхождении прост и не спесив». Но постепенно они разуверились в самозванце и объясняли это, помимо его пьянства, во-первых, тем, что он занимал деньги, не отдавая долгов, а во-вторых, грубыми манерами: «...Хрипит так, что не может почти говорить, да и поступь-та ево нимало с благородным человеком не сходствует»¹⁶⁷.

[с. 337]

Причиной задержания Замыцкого (буквально перед «объявлением») явилось его «бесчинное» поведение: он шёл по улице, пел стихи и, «неся пред собою образ, махал на все стороны», при этом его сопровождал десяток смеющихся зевак¹⁶⁸.

Прямо-таки анекдотический пример являет собой Зайцев, который перед «объявлением», едва успев приехать в незнакомое село, хорошенько покуролесил: будучи пьяным, побил посуду в доме атамана (того, правда, не было), украл там рубаху, требовал подводу без «письменного вида» и бил прохожих¹⁶⁹.

Вообще если самозванец «объявлял» о себе в пьяном виде или напивался после «разглашения», но вёл себя прилично (в соответствии с нормами той социальной группы, внутри которой он оказался), то это далеко не всегда отталкивало от него окружающих и провоцировало их на немедленное задержание самозванца или донос о нём властям.

Статистика такова: из 13 самозванцев, злоупотреблявших спиртным до или после «разглашений» о себе, только Зайцев, Сенютин, Борняков и Сочнев были схвачены вскоре после «объявления» по инициативе там присутствовавших. Прочим самозванцам указанное состояние не помешало наладить контакт с аудиторией или, по крайней мере, сохранить свободу. Лишь влиянием иных обстоятельств объясняется тот факт, что Чернышёв продержался после «проявления» на воле всего несколько часов, Сорокин – 2 дня, Кремнев – 5 дней, Галушка – около месяца, а Богомоллов, Кретов, Никифоров, Бунин и Нестеренко – от 2,5 месяца до 3,5 лет.

Отличить «ложного» претендента на монарший статус от «истинного» могла помочь также его речь. Так, самозванцы, выдававшие себя за Петра III, обязаны были знать немецкий язык – хотя бы в минимальном объёме. Утверждать подобное позволяют материалы дел о Пугачёве¹⁷⁰ и Кретове¹⁷¹. Что касается нерусского населения Российской империи, то в его среде, как можно полагать, подозрение могло возникнуть и в том случае, если самозванец не говорил по-русски («московским наречием»)¹⁷².

Ещё одним атрибутом «истинного» носителя монаршего сана, с точки зрения массового сознания, была его грамотность. Видимо, не случайно демонстрировали на публике свои навыки чтения и письма Семилеткин¹⁷³, Асланбеков¹⁷⁴, Иванов¹⁷⁵, Тюменева¹⁷⁶, Петериков¹⁷⁷, Борняков¹⁷⁸, Сочнев¹⁷⁹. Те же, кто не знал грамоты, пытались утаить это и притворялись, будто умеют читать и писать (Богомоллов¹⁸⁰, Пугачёв¹⁸¹, Никифоров¹⁸², Мосякин¹⁸³, Зайцев¹⁸⁴).

Для Селиванова было важно, что он «самоучкою» овладел грамотой, а для скопцов – что он был автором не менее десятка произведений, хотя, возможно, писал их не только он, а быть может, и вовсе не он¹⁸⁵.

[с. 338]

О том, насколько важна была данная черта для образа «настоящего» монарха, свидетельствует следующий факт: «Тайно распространяемые слухи о том, что Пугачёв не знает грамоты, ибо не подписывает сам своих указов, и потому является самозванцем, послужили основанием к организации заговора, завершившегося несколькими неделями спустя арестом Пугачёва и выдачей его властям»¹⁸⁶.

Недоверие к самозванцам в народе, не исключая их же сподвижников, могли вызвать и другие черты поведения и образа жизни лжемонархов – такие, как сожителство или брак с лицом низкого звания (Асланбеков¹⁸⁷, Пугачёв, Ханин¹⁸⁸, Сорокин¹⁸⁹); привычка лгать (Пугачёв¹⁹⁰, Никифоров¹⁹¹, Савёлов¹⁹²); пьянство (Кретов, Никифоров, Бунин); крайняя бедность (Кретов¹⁹³).

Далее, напрашивается вывод, что в ситуации, когда самозванец всё же обрёл первых сторонников, дальнейший ход событий большей частью зависел уже не от него самого, его личных намерений и прожектов, но от социально-политических представлений, настроений и чаяний тех людей, с которыми он контактировал в новом качестве. Когда возникала и существовала самозванщина, т. е. лжемонарх обретал соратников и действовал с ними сообща, тогда происходило взаимодействие сугубо личных планов самозванца и связанных с ним ожиданий его сторонников. При этом самозванец, если не хотел растерять новообретённых «подданных» и подтолкнуть их к «измене» ему, должен был соблюдать те нормы поведения, которые предлагались ему в данном сообществе.

Например, некоторые самозванцы из категории «реформаторов» желали поначалу просто пожить за счёт людей, которых решили обмануть. Однако начав самозванческую «игру», они уже не могли выйти из неё, не поставив себя под удар. В результате им приходилось либо «плыть по течению», либо поступать по-своему, но прибегать к демагогии – обещать людям то, чего те от них явно или подсознательно ожидали.

Прежде всего, простые люди ждали, что «подлинный» монарх займёт престол, но для этого ему было нужно отправиться в Москву. Поэтому самозванцы, как правило, не имели возможности засиживаться там, где им было комфортно.

Так, Семилеткин, предполагая всю жизнь прожить в раскольничьем скиту, тем не менее покинул его, ибо местные жители напомнили ему, что пора занимать престол¹⁹⁴. Асланбеков, мечтавший поехать в стародубские слободы, а если там жить будет худо, то в Польшу, и заработать денег знахарством, был вынужден постоянно находить отговорки для почитавших его как царя однодворцев, когда они его спрашивали, «скоро ль он поедет в Москву»¹⁹⁵. Подобный вопрос, отражавший недоумение

[с. 339]

и ожидания сподвижников, задавался и Пугачёву, когда он после поражения под Казанью собирался идти по Волге на Дон¹⁹⁶.

Соблюдение «правил игры» Кремневым вообще сыграло с ним злую шутку: пойдя на поводу у однодворцев, которые считали, что он обязан «объявиться» в Воронеже, самозванец позволил довести себя до города (хотя ехать туда не хотел) и передать в руки властей¹⁹⁷. Подчеркнём, что, по мнению членов его эскорта, с их стороны никакой «измены» недавно обретённому «государю» не было¹⁹⁸.

Зайцев сначала под видом цесаревича Павла Петровича собирался «шататься по разным селениям», пить и есть задаром, но в конце концов ему пришлось подтверждать свой статус обещанием упразднить подушный оклад¹⁹⁹. Примерно к тому же пришёл и Борняков – «цесаревич Александр Павлович»: желая получить лошадей без уплаты «прогонных денег», а также выпросить денег у крестьян, он объявил, что император Павел отменил на 5 лет рекрутство и на 3 года подушную подать и оброк²⁰⁰.

Подстраиваться под настроения окружающих должны были и те самозванцы, которые искренне хотели помочь народу, отодвигая на второй план свои личные интересы.

Вполне вероятно, что Богомоллов поддался давлению своего окружения, когда согласился вместе с волжскими казаками двинуться на Дубовку, чтобы там «объявить» о себе «всенародно»²⁰¹. Годом позже Пугачёв под влиянием казачьей среды был вынужден изменить свои первоначальные планы: вместо увода яицких казаков на Кубань он предпринял восстание против их притеснителей, а заодно и против своих «личных» (т. е. Петра III) врагов²⁰².

Напоследок надо поговорить о массовых представлениях амбивалентного характера, весьма значимых для «народолюбцев», – представлениях, которые, с одной стороны, помогали народу выявлять среди апеллировавших к нему самозванцев «истинных государей» и «подменных», а с другой стороны, облегчали и направляли процессы «ложной самоидентификации» в сознании самозванцев, поскольку обнаружение последними у себя данных признаков способно было изменить их самооценку и как бы доказать обоснованность их притязаний.

Анализ источников позволяет говорить, как минимум, о шести подобных ментальных феноменах.

Одним из них было поверье, что у «подлинного» монарха на теле должны быть особые отметины («царские знаки»). По своей инициативе или по настоянию окружающих такие «знаки» показывали Колченко²⁰³, Кремнев²⁰⁴, Богомоллов²⁰⁵, Мосякин²⁰⁶, Пугачёв²⁰⁷, Попович²⁰⁸.

Далее, «потаённый» государь должен был уметь объяснить, где он скрывался и чем занимался долгие годы. Вымышленной (развёрнутой

[с. 340]

или краткой) биографией, составленной на основе слухов, домыслов и реальных фактов из своей жизни, подтверждали свою «истинность» Семилеткин²⁰⁹, Колченко²¹⁰, Кремнев²¹¹, Чернышёв²¹², Мейбом²¹³, Краснощёкова²¹⁴, Пугачёв²¹⁵, Кретов²¹⁶, Мосякин²¹⁷, Никифоров²¹⁸, Попович²¹⁹, Середенко²²⁰, а также, видимо, Ханин²²¹. Бунин и Селиванов сами о своём «императорском» прошлом почти не говорили – за них чаще всего это делали подручные: за Селиванова²²² – другие скопцы, а за Бунина – его «родственница» Тюменева²²³, которая, впрочем, не забыла и своё прошлое приукрасить вымыслом²²⁴.

Фактором убеждения себя и других, а иногда и первичным стимулом самозванства, могло служить мнение (даже случайное) о сходстве индивида с тем или иным правителем. Об этом свидетельствуют судьбы Заварзиной²²⁵, Богомоллова²²⁶, Пугачёва²²⁷, Селиванова²²⁸, Бунина²²⁹, Петерикова²³⁰. Есть некоторые основания полагать, что данный фактор повлиял также на жизнь Ханина²³¹ и Поповича²³².

Кроме того, участь и самооценка самозванца во время и вскоре после «объявления» часто зависели от реакции авторитетных лиц – либо тех, кто ранее видел его реального прототипа, либо тех, кто получил мистические подтверждения заявлениям самозванца, либо знатных вельмож или местных управителей, богатеев, стариков, старших родственников и т. д. Ссылками на реальную или вымышленную санкцию таких лиц (хотя и не всегда это делал лично самозванец) и/или демонстрацией контактов с ними подкреплялись притязания

Асланбекова²³³, Кремнева²³⁴, Богомолова²³⁵, Пугачёва²³⁶, Кретова²³⁷, Сорокина²³⁸, Селиванова²³⁹, Поповича²⁴⁰, Бунина²⁴¹ и, по-видимому, Никифорова²⁴².

Особым вариантом «авторитетного» подкрепления самозванства (как до, так и после «проявления») были слухи с положительной для лжегосударя направленностью, причём в них он мог фигурировать не как «истинный» претендент на престол, но как «святой». Подобные слухи облегчали самозванцу вербовку сторонников – тем, что заранее настраивали желающих увидеть его на доверие к нему, а также помогали ему достичь материального благополучия за счёт подношений и дармовых услуг со стороны новообращённых. Об этом свидетельствуют судьбы Асланбекова²⁴³ и Петерикова²⁴⁴.

Другим вариантом «авторитетного» обоснования самозванческих притязаний были ссылки на «знамения» – видения наяву и во сне, «небесные гласы» и т. п. Их свидетелями могли быть как самозванцы (Мейбом²⁴⁵, Селиванов²⁴⁶, Ушаков²⁴⁷, Замыцкий²⁴⁸), так и будущие или настоящие их сторонники (случай с Асланбековым²⁴⁹).

Следующим признаком «подлинности» самозваного носителя монаршего сана в глазах окружающих и в его собственных глазах было наглядно выраженное благополучие самозванца. Оно прежде всего

[с. 341]

выражалось в том, что при лжегосударе формировался и действовал постоянный штат помощников и/или слуг (служанок), а также охранников. Подобная свита, правда, состоящая большей частью лишь из 1–3 чел., обеспечивала «царскую жизнь» и психологический комфорт Асланбекову²⁵⁰, Кремневу²⁵¹, Богомолу²⁵², Пугачёву²⁵³, Кретову²⁵⁴, Мосякину²⁵⁵, Никифорову²⁵⁶, Ханину²⁵⁷, Поповичу²⁵⁸, Селиванову²⁵⁹, Зайцеву²⁶⁰, Бунину²⁶¹. В ещё большей степени доказывали «подлинность» самозванца обретение им богатства и наличие у него пышных апартаментов, ценной утвари и дорогих одежд, как это было в случае с Пугачёвым и Селивановым²⁶².

К молчаливо подразумеваемым критериям «подлинности» самозванных носителей монаршего статуса можно причислить и такой, как наличие у них необычайных способностей – например, врачевать, творить чудеса или же быть неуязвимым в бою. Молва об Асланбекове как «Пётре III» опиралась на его славу как знахаря²⁶³. Успехи на знахарском поприще облегчили «проявление» в новом качестве также Мосякину²⁶⁴ и, вероятно, Селиванову²⁶⁵. Обнаружение у Петерикова способности к чудотворению укрепило крестьян, уже почитавших его как святого, к мысли, что он – более великий человек²⁶⁶. Можно полагать, что для авторитета Пугачёва и его собственной самооценки была важна открыто выражаемая уверенность в том, что его не возьмёт ни ружьё, ни пушка²⁶⁷.

Анализ показывает, что из всех самозванцев данной группы только с четырьмя – Савёловым, Нестеренко, Фоменко и Галушкой – не была связана актуализация перечисленных выше представлений. При этом Фоменко и Галушка не имели сподвижников, однако провели на свободе после «объявления» гораздо больше времени, чем тот же Савёлов.

В судьбах остальных 28 человек тоже не прослеживается единой закономерности. Из тех, в чьём облике и поведении обнаруживались от 3 до 5 признаков «подлинного» монарха (Кремнев, Пугачёв, Ханин, Попович, Асланбеков, Кретов, Мосякин, Никифоров, Селиванов, Бунин, Петериков), двое не сумели продержаться на свободе после «проявления» и месяца: Кремневу было отпущено 5 дней, Мосякину – около 20. Однако у Кремнева оказалось более 200 сторонников, у Мосякина – 18. У Поповича же, пребывавшего на свободе после «объявления» 2,5 месяца, было 14 соратников, а у Кретова, наслаждавшегося свободой в новом качестве 3,5 месяца, – всего 3.

Скорее всего, нет прямой зависимости между соблюдением общепринятых «правил игры» со стороны самозванца и его удачливостью. Нельзя, например, сказать, что чем больше тот

или иной лжемонарх предъявлял доказательств своей «подлинности», тем дольше он оставался на свободе и тем значительнее было число его сторонников.

[с. 342]

В заключение надо заметить, что выводы, сделанные на фактическом материале 1762–1800 гг., могут быть скорректированы, дополнены и частично опровергнуты при расширении хронологических рамок исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Московского общественного научного фонда в рамках программы «Российские общественные науки: новая перспектива», грант № 062 – история, 1998 г.

² *Вейдемейер А. И.* Двор и замечательные люди в России во второй половине XVIII ст. СПб., 1846. Ч. 1. С. 147–148, 174–177.

³ *Соловьёв С. М.* История России с древнейших времён. Т. 27 // *Соловьёв С. М.* Сочинения в 18 кн. М., 1994. Кн. 14. С. 126–127; *Он же.* Заметки о самозванцах в России // *Русский архив.* 1868. Т. 2. Стб. 274–276.

⁴ *Барсуков А. П.* Рассказы из русской истории XVIII века по архивным документам. СПб., 1885. С. 195–242.

⁵ *Мордовцев Д. Л.* Самозванцы и понизовая вольница. СПб., 1886. Т. 1. С. 86–326.

⁶ Там же. С. 216–217.

⁷ *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений в 10 тт. 4-е изд. Л., 1978. Т. 8. С. 185.

⁸ См.: *Коган А. Н.* Распространение самозванства в русской деревне в период пугачёвского восстания // *Учёные записки Куйбышевского государственного педагогического и учительского института.* 1943. № 7. С. 222–224; *Муратов Х. И.* Крестьянская война 1773–1775 гг. в России. М., 1954. С. 174; *Рысляев Л. Д.* Пугачёв в Саратове // *Вестник Ленинградского университета: Серия истории, языка и литературы.* 1962. № 8. Вып. 2. С. 60.

⁹ *Максимов С. В.* Сибирь и каторга. 2-е изд. СПб., 1891. Ч. 3. С. 285–317.

¹⁰ *Дубровин Н. Ф.* Пугачёв и его сообщники. СПб., 1884. Т. 1–3.

¹¹ Там же. Т. 1. С. 107–110, 119–131.

¹² *Юдин П.* К истории Пугачёвщины // *Русский архив.* 1896. Кн. 2. № 6. С. 178–182.

¹³ *Щебальский П.* Начало и характер Пугачёвщины. М., 1865. С. 49–51, 103–104.

¹⁴ См.: *Кельсиев В. И.* Сборник правительственных сведений о раскольниках. Лондон, 1861. Вып. 3. С. 62–171; Приложения. С. 1–28; *Мельников П. И.* Материалы для хлыстовской и скопческой ересей... Б. м., б. г. Отд. 1. С. 37–41; Отд. 2. С. 10–44; Отд. 3. С. 1–190; *Ливанов Ф. В.* Раскольники и острожники. СПб., 1870. Т. 2. С. 321–329; Т. 3. С. 330–338; *Реутский Н. В.* Люди божьи и скопцы. М., 1872. С. 91 и сл.; *Майнов В. Н.* Скопческий ересиарх Кондратий Селиванов // *Исторический вестник.* 1880. Т. 1. С. 755–778; *Кутепов К.* Секты хлыстов и скопцов. Казань, 1882. С. 17–36, 113–221, 347–380; *Дубровин Н. Ф.* Наши мистики-сектанты // *Русская старина.* 1895. Т. 84. Октябрь. С. 33–44; Ноябрь. С. 13–28; *Высоцкий Н. Г.* Первый скопческий процесс:

[с. 343]

Материалы, относящиеся к начальной истории скопческой секты. М., 1915; *Айвазов И. Г.* Материалы для исследования секты скопцов. М., 1916. Т. 1. С. 2–72.

¹⁵ *Реутский Н. В.* Указ. соч. С. 94.

-
- ¹⁶ Материалы для истории самозванца Кремнева // Воронежская беседа на 1861-й год. СПб., 1861. Отд. 2. С. 1–12.
- ¹⁷ *Новомбергский Н. Я.* Слово и дело государевы. Томск, 1909. Т. 2. С. 330–336 (№ 78).
- ¹⁸ Отголоски пугачевского бунта // Русская старина. 1905. № 6. С. 665–670.
- ¹⁹ Там же. С. 664–665.
- ²⁰ *Энгельгардт Л. Н.* Записки. М., 1997. С. 33–35.
- ²¹ *Путинцев Н.* Самозванец Рябов // Русский архив. 1902. № 2. С. 59–60.
- ²² Материалы для истории самозванца Иова Мосякина // Воронежская беседа на 1861-й год. СПб., 1861. Отд. 2. С. 13–14; Пособники и сторонники Пугачёва: очерки и рассказы // Русская старина. 1876. Т. 17. Сентябрь. С. 70–74.
- ²³ Мнимый сын Голштинского принца (Из дел Тайной экспедиции) // Памятники новой русской истории: Сборник исторических статей и материалов. СПб., 1873. Т. 3. Отд. 2. С. 315–322.
- ²⁴ О кременчугском купце Тимофее Курдилове // Оснадацый век. М., 1868. Кн. 1. С. 398–402.
- ²⁵ Лжепавел // Южное обозрение. 1900. 12 декабря. С. 2.
- ²⁶ *Шульгин И. П.* Ещё одна тень Петра III // Русский архив. 1871. № 9. Стб. 2055–2065; *Альбовский Е.* Отголосок пугачёвщины на Украине // Русский архив. 1898. № 11. С. 297–308.
- ²⁷ См., например: Пугачёвщина. М., Л., 1926–1931. Т. 1–3; Крестьянская война 1773–1775 гг. в России: Документы из собрания Государственного исторического музея. М., 1973; Документы ставки Е. И. Пугачёва, повстанческих властей и учреждений: 1773–1774 гг. М., 1975; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. Уфа, 1875; Емельян Пугачёв на следствии. М., 1997.
- ²⁸ См., например: *Муратов Х. И.* Указ. соч.; Крестьянская война в России в 1773–1775 гг.: Восстание Е. И. Пугачёва. М., 1961–1970. Т. 1–3; *Андрущенко А. И.* О самозванстве Е. И. Пугачёва и его отношениях с яицкими казаками // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961. С. 146–150; *Мавродин В. В.* Крестьянская война 1773–1775 гг. // *Смирнов И. И., Маньков А. Г., Подъяпольская Е. П., Мавродин В. В.* Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М.; Л., 1966. С. 204–291; *Он же.* Рождение новой России. Л., 1988. С. 394–494; *Овчинников Р. В.* Манифесты и указы Е. И. Пугачёва: источниковедческое исследование. М., 1980; *Он же.* Из комментариев к «Замечаниям о бунте» // Исследования по источниковедению истории России дооктябрьского периода: Сборник статей. М., 1993. С. 24–39; *Он же.* Следствие и суд над Е. И. Пугачёвым и его сподвижниками. М., 1995.
- ²⁹ См.: *Кубалов Б.* Сибирь и самозванцы // Сибирские огни. 1924. № 3. С. 152–176; *Орлов П.* Пугачёвщина в Сибири // Сибирские огни. 1925. № 6. С. 129–130; *Козловский И. П.* Один из эпизодов революционных движений на Дону в XVIII веке (1772 г.) // Известия Северо-Кавказского государственного университета. 1926. Т. 10. С. 126–131; *Пронштейн А. П.* Земля Донская в
- [с. 344]**
-

XVIII веке. Ростов н/Д., 1961. С. 304–306; *Ткаченко И.* Коротоякский предшественник Пугачёва // Подъём. 1963. № 6. С. 159–160; *Лурье С. С.* Из истории дворцовых заговоров в России XVIII века // Вопросы истории. 1965. № 7. С. 217–218; *Троицкий С. М.* Самозванцы в России XVII–XVIII веков // Вопросы истории. 1969. № 3. С. 134–146; *Покровский Н. Н.* Обзор судебно-следственных источников о политических взглядах сибирских крестьян конца XVII – середины XIX в. // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. Новосибирск, 1982. С. 63–66, 69–71; *Мильников А. С.* Легенда о русском принце. Л., 1987; *Он же.* Самозванчество в контексте просвещённого абсолютизма // Монархия и народовластие в культуре Просвещения. М., 1995. С. 24–35; *Анисимов Е. В.* Дыба и кнут: Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999. С. 43–44, 47, 383; *Низовский А.* Русские самозванцы. М., 1999. С. 163–280; *Юзефович Л. А.* Самые знаменитые самозванцы. М., 1999. С. 216–232; *Панченко А. А.* Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М., 2002. С. 170–186.

³⁰ *Пионтковский С.* Крестьянские выступления 1775–1795 гг. по данным Тайной экспедиции // Историк-марксист. 1935. Кн. 10. С. 87, 92–95.

-
- ³¹ *Томсинский С. Г.* Роль рабочих в Пугачёвском восстании // *Красная новь*. 1925. № 2. С. 180; *Коган А. Н.* Указ. соч. С. 222–224.
- ³² *Чистов К. В.* Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М., 1967. С. 182; *Успенский Б. А.* Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // *Художественный язык средневековья*. М., 1982. С. 203, 207 (переиздание: *Успенский Б. А.* Избранные труды. М., 1994. Т. 1).
- ³³ *Эйдельман Н. Я.* Твой 18-й век. Прекрасен наш союз... М., 1991. С. 105–106; *Он же.* Из потаённой истории России XVIII–XIX веков. М., 1993. С. 201.
- ³⁴ *Строев А. Ф.* «Те, кто поправляет фортуна»: авантюристы Просвещения. М., 1998. С. 251, 377–378.
- ³⁵ *Сивков К. В.* Самозванчество в России в последней трети XVIII в. // *Исторические записки*. 1950. Т. 31. С. 88–135.
- ³⁶ См., например: *Avrich P.* Russian Rebels: 1600–1800. N. Y., 1972. P. 185–187 (о Г. Кремневе, Г. Чернышёве, Ф. Богомолове-Казине), 187–229 (о Е. Пугачёве), 232 (о Я. Иванове); *Szváák G.* False tsars. Wayne, 2000. P. 111–129 (о И. Опочинине, Н. Крето́ве, Ф. Богомолове-Казине, Е. Пугачёве, И. Андрееве, М. Ханине, К. Селиванове); *Энгельштейн Л.* Скопцы и Царство Небесное. М., 2002. С. 47–57 (о К. Селиванове).
- ³⁷ *Pingaud L.* Les français en Russie et les russes en France. Paris, 1886. P. 89. См. также: *Лотман Ю. М.* Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Л., 1980. С. 45; *Успенский Б. А.* Указ. соч. С. 220, прим. 17.
- ³⁸ *Longworth Ph.* The Pretender Phenomenon in eighteenth-century Russia // *Past and Present*. 1975. № 66. P. 61–83.
- ³⁹ См.: *Юдин П.* Указ. соч. С. 6–10; *Казак Фёдор Каменьщиков* // *Памятники новой русской истории*. СПб., 1873. Т. 3. Отд. 2. С. 384–396; *Побережников И. В.* Классовая борьба 60-х годов XVIII в. в Зауралье и «самозванец» Ф. Каменщиков-Слудников // *Материалы XX Всесоюзной научной студенческой конференции «Студент и НТП»*. Новосибирск, 1982. Т. 5.: «История». С. 29–34; *Мыльников А. С.* Легенда о русском принце. С. 19–20.

[с. 345]

- ⁴⁰ См.: *Усенко О. Г.* Кто такой самозванец? // *Вестник славянских культур*. [М.]. 2002. № 5–6. С. 39–42.
- ⁴¹ *Майнов В. Н.* Указ. соч. С. 760.
- ⁴² *Мельников П. И.* Указ. соч. Отд. 3. С. 85–86; *Высоцкий Н. Г.* Указ. соч. С. 34, 41, 47, 49, 151–152, 203–204, 218–222, 259.
- ⁴³ *Мельников П. И.* Указ. соч. Отд. 3. С. 20–22, 40, 86; *Кутепов К.* Указ. соч. С. 124, 160–164; *Успенский Б. А.* Указ. соч. С. 203, 219, прим. 10.
- ⁴⁴ *Панченко А. А.* Указ. соч. С. 175–176.
- ⁴⁵ См.: РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 554.
- ⁴⁶ *Сивков К. В.* Указ. соч. С. 89, 113, прим. 120; 117–120, 123–124, 127.
- ⁴⁷ Там же. С. 134. См. также: *Коган А. Н.* Указ. соч. С. 222; *Анисимов Е. В.* Указ. соч. С. 44.
- ⁴⁸ *Longworth Ph.* Op. cit. P. 64–66, 78, 81.
- ⁴⁹ *Троицкий С. М.* Указ. соч. С. 134, 137, 139, 143, 146.
- ⁵⁰ См.: *Успенский Б. А.* Указ. соч. С. 201–235. См. также: *Васецкий Н. А.* Самозванцы как явление русской жизни // *Наука в России*. 1995. № 3. С. 57–63; *Андреев И. Л.* Самозванство и самозванцы на Руси // *Знание – сила*. 1995. № 8. С. 46–56.
- ⁵¹ *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* Миф – имя – культура // *Учёные записки Тартуского университета*. 1973. Вып. 308. С. 282–300 (переиздание: *Успенский Б. А.* Избранные труды. М., 1994. Т. 1).
- ⁵² *Плюханова М. Б.* О некоторых чертах личностного сознания в России XVII в. // *Художественный язык средневековья*. М., 1982. С. 184–199.

-
- ⁵³ См.: *Усенко О. Г.* Кто такой самозванец? С. 41, 43; *Личность, культура, этнос: современная психологическая антропология.* М., 2001. С. 339–340, 349–350, 361–404.
- ⁵⁴ *Усенко О. Г.* Психология социального протеста в России XVII–XVIII вв. Тверь, 1997. Ч. 3. С. 38–52.
- ⁵⁵ Там же. С. 61–65.
- ⁵⁶ *Тхоржевский С.* Пугачёвщина в помещицкой России. М., 1930. С. 69.
- ⁵⁷ Пугачёвщина. М.; Л., 1931. Т. 3. С. 124, 126, 127.
- ⁵⁸ Там же. С. 119–120; РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 604. Л. 5 об. – 7; Ф. 1274. Оп. 1. Ч. 1. Д. 174. Л. 91–91а, 95–96.
- ⁵⁹ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 617. Л. 1–1 об.
- ⁶⁰ *Кельсиев В. И.* Указ. соч. С. 108.
- ⁶¹ *Ливанов Ф. В.* Указ. соч. Т. 2. С. 272–278.
- ⁶² *Кельсиев В. И.* Указ. соч. С. 63, 80–81, 106–107; *Ливанов Ф. В.* Указ. соч. Т. 2. С. 406–409; *Мельников П. И.* Указ. соч. Отд. 2. С. 10–11.
- ⁶³ *Сивков К. В.* Указ. соч. С. 131–132; *Троицкий С. М.* Указ. соч. С. 144; *Кубалов Б.* Указ. соч. С. 163; *Покровский Н. Н.* Указ. соч. С. 69–70; *Побережников И. В.* «Самиздат» осьмандцатого века // *Родина.* 1994. № 5. С. 40–41.
- ⁶⁴ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2699. Л. 8 об., 56, 59, 81–84 об., 118 об. – 130 об.
- ⁶⁵ *Сивков К. В.* Указ. соч. С. 124, прим. 160.
- ⁶⁶ См.: РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 529. Л. 19–27 об.; Д. 540; Ф. 7. Оп. 2. Д. 2563.
- ⁶⁷ *Сивков К. В.* Указ. соч. С. 124, прим. 160; РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2473.
- ⁶⁸ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 404. Л. 1–2.

[с. 346]

- ⁶⁹ *Путинцев Н.* Самозванец Рябов // *Русский архив.* 1902. № 2. С. 59; *Орлов П.* Пугачёвщина в Сибири // *Сибирские огни.* 1925. № 6. С. 129–130.
- ⁷⁰ См.: *Мордовцев Д. Л.* Указ. соч. С. 86–114; *Дубровин Н. Ф.* Пугачёв и его сообщники. Т. 1. С. 107–110, 119–131.
- ⁷¹ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2172. Л. 2; Д. 2046. Ч. 1. Д. 9. Л. 117; Д. 10. Л. 83 об. – 84 об.
- ⁷² РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 544а. Л. 2; Ф. 7. Оп. 2. Д. 2807. Л. 7, 19.
- ⁷³ *Строев А. Ф.* Указ. соч. С. 251.
- ⁷⁴ АВПРИ. Ф. 9. Оп. 9/1. 1729 г. Д. 1. К сожалению, от этого дела осталась одна обложка, под которой ныне хранятся совсем другие бумаги.
- ⁷⁵ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2046. Ч. 2. Кн. 5. Л. 72 об. – 74 об.; Ф. 349. Оп. 2. Д. 7199.
- ⁷⁶ См.: РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 394.
- ⁷⁷ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 403. Л. 36.
- ⁷⁸ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2046. Ч. 1. Д. 10. Л. 23 об.
- ⁷⁹ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2411. Л. 1–1 об.
- ⁸⁰ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2463. Л. 24 об. – 25 об., 56–57.
- ⁸¹ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 546. Л. 16.
- ⁸² *Майнов В. Н.* Указ. соч. С. 760; *Кельсиев В. И.* Указ. соч. С. 79–80; *Кутепов К.* Указ. соч. С. 143, 159–160; *Мельников П. И.* Указ. соч. Отд. 2. С. 18–19, 34.
- ⁸³ РГАДА. Ф. 349. Оп. 2. Д. 7086. Л. 166, 204–204 об., 206 об. – 207, 326 об., 379 об., 402–403, 482 об.
- ⁸⁴ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2020. Л. 106–108.
- ⁸⁵ *Строев А. Ф.* Указ. соч. С. 377–378; АВПРИ. Ф. 14. Оп. 14/1. Д. А–1. Л. 1–3.
- ⁸⁶ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 541. Л. 9, 13 об., 41 об., 43–43 об.
- ⁸⁷ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2744. Л. 80 об., 145 об., 275.
- ⁸⁸ Там же. Л. 80 об., 87–87 об., 245, 278–278 об.
- ⁸⁹ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 3302. Л. 4.

-
- ⁹⁰ РГАДА. Ф. 349. Оп. 2. Д. 7199. Л. 3.
⁹¹ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 406. Л. 46 об., 78 об., 82.
⁹² РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 535. Л. 2, 6, 50–50 об., 52 об., 57, 58.
⁹³ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 528. Л. 7.
⁹⁴ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2446. Л. 10 об. – 11.
⁹⁵ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 537. Л. 4 об., 63 об. – 66 об., 68, 69 об., 76 об.; РГВИА. Ф. 8. Оп. 5/94. Д. 462. Л. 12 об. – 14 об., 33, 39, 40, 63, 77–77 об., 80–80 об.
⁹⁶ *Энгельгардт Л. Н.* Указ. соч. С. 34.
⁹⁷ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2807. Л. 17.
⁹⁸ *Лотман Ю. М.* Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». С. 45; *Pingaud L.* Op. cit. P. 89.
⁹⁹ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 404. Л. 2, 5 об.
¹⁰⁰ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 536. Л. 17 об.–18; Мнимый сын Голштинского принца. С. 318–319.
¹⁰¹ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2458. Л. 4 об., 7 об. – 8.
¹⁰² РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2575. Л. 7–11.

[с. 347]

- ¹⁰³ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2763. Л. 1, 13 об. При этом Замыцкий не был уверен в своих планах: альтернативой уходу в монастырь он видел получение от царицы под своё командование гусарского корпуса для войны со шведами (РГАДА. Ф. 349. Оп. 2. Д. 7472. Л. 24–24 об.).
- ¹⁰⁴ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 554. Л. 4–4 об., 6; *Мельников П. И.* Указ. соч. Отд. 3. С. 20.
¹⁰⁵ РГАДА. Ф. 349. Оп. 2. Д. 7113. Л. 2.
¹⁰⁶ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2599. Л. 16 об. – 28 об., 32 об. – 33.
¹⁰⁷ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 408. Л. 2 об., 8 об. – 9, 11 об. – 15, 40 об., 50–51 об., 57–57 об.; Ф. 7. Оп. 2. Д. 2046. Ч. 2. Кн. 2. Л. 91 об. – 92 об.; Д. 2047. Ч. 1. Д. 1. Л. 180 об.; Д. 3. Л. 83 об. – 85.
¹⁰⁸ *Емельян Пугачёв на следствии.* С. 82, 172–173; *Муратов Х. И.* Указ. соч. С. 35; *Мавродин В. В.* Рождение новой России. С. 401, 403.
¹⁰⁹ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 543. Л. 1 об.; Ф. 7. Оп. 2. Д. 2704. Л. 3 об.
¹¹⁰ *Овчинников Р. В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачёвым и его сподвижниками. С. 133; *Емельян Пугачёв на следствии.* С. 190, 215.
¹¹¹ РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 308. Ч. 3. Л. 11 об., 12 об.; *Юдин П.* Указ. соч. С. 181.
¹¹² РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2917. Л. 7.
¹¹³ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 403. Л. 12 об. – 13, 16 об. – 17 об.
¹¹⁴ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 402. Л. 87, 97, 122 об., 143 об., 149 об. – 150.
¹¹⁵ РГВИА. Ф. 8. Оп. 5/94. Д. 72. Л. 86 об., 88.
¹¹⁶ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 542. Л. 15 об. – 16.
¹¹⁷ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 553. Л. 2, 14.
¹¹⁸ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 538. Л. 5 об. – 6, 9 об. – 10, 25.
¹¹⁹ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2455. Л. 24–25, 27, 34, 40 об.
¹²⁰ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2221. Л. 1, 18.
¹²¹ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2453. Л. 5, 6.
¹²² РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2577. Л. 4, 10 об.
¹²³ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2682. Л. 2, 5–5 об., 17.
¹²⁴ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2712. Л. 2.
¹²⁵ РГАДА. Ф. 349. Оп. 2. Д. 7097. Л. 1, 3.
¹²⁶ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2666. Л. 1, 3 об. – 4, 26 об.
¹²⁷ *Покровский Н. Н.* Указ. соч. с. 61; *Алефиренко П. К.* Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30–50-х годах XVIII века. М., 1958. С. 304–314; *Анисимов Е. В.* Указ. соч. С. 64–68; РГАДА. Ф. 7. Оп. 3. Картон 294. Д. 1–3; Картон 344. Д. 211.
¹²⁸ *Соловьёв С. М.* Заметки о самозванцах в России. Стб. 267; *Дорофеев В. В.* Самозванцы (к истории появления слова). Оренбург, 1994. С. 21; *Longworth Ph.* Op. cit. P. 169.

¹²⁹ *Сивков К. В.* Указ. соч. С. 113, 133; *Мавродин В. В.* Рождение новой России. С. 273–274; *Троицкий С. М.* Указ. соч. С. 142; *Васецкий Н. А.* Указ. соч. С. 60; *Разорёнова (Козлова) Н. В.* Из истории самозванства в России 30-х годов XVIII в. // Вестник Московского университета: Сер. истории. 1974. № 6. С. 67; *Longworth Ph.* Op. cit. P. 168.

¹³⁰ *Дорофеев В. В.* Указ. соч. С. 10, 20–21.

¹³¹ См.: РГАДА. Ф. 349. Оп. 2. Д. 7086. Л. 156–156 об.

[с. 348]

¹³² *Longworth Ph.* Op. cit. P. 74.

¹³³ *Соловьёв С. М.* Заметки о самозванцах в России. Стб. 271; *Дорофеев В. В.* Указ. соч. С. 24; *Рахматуллин М. А.* К вопросу об уровне общественного сознания крестьянства в России // Вопросы аграрной истории Центра и Северо-Запада РСФСР: Материалы межвузовской научной конференции. Смоленск, 1972. С. 161, 164, 168; *Матвиевский П. Е.* Типические черты примитивного демократизма в быту и сознании крестьянства XVII–XVIII веков // Героические страницы истории народов нашей Родины. Челябинск, 1976. С. 56.

¹³⁴ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 408. Л. 45 об., 62–62 об.; Ф. 7. Оп. 2. Д. 2744. Л. 1 об. – 2, 5 об., 24 об., 42 об., 45 об., 79 об., 103 об. – 104 об., 138 об. – 139, 234–234 об., 237–237 об., 274.

¹³⁵ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 403. Л. 13–13 об., 18.

¹³⁶ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 406. Л. 19 об.

¹³⁷ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2221. Л. 18–18 об.

¹³⁸ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 535. Л. 17–17 об.

¹³⁹ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 536. Л. 16 об.; Мнимый сын Голштинского принца. С. 318.

¹⁴⁰ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2411. Л. 1–1 об.

¹⁴¹ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2453. Л. 5.

¹⁴² РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2446. Л. 15 об.

¹⁴³ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2577. Л. 8 об.

¹⁴⁴ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 541. Л. 3–3 об., 8 об., 48, 55 об.

¹⁴⁵ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 542. Л. 7 об.

¹⁴⁶ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2744. Л. 89 об.

¹⁴⁷ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2807. Л. 16 об.

¹⁴⁸ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 554. Л. 6 об., 13 об.; *Мельников П. И.* Указ. соч. Отд. 3. С. 22.

¹⁴⁹ *Емельян Пугачёв на следствии.* С. 211; *Мавродин В. В.* Рождение новой России. С. 448; *Проништейн А. П., Мининков Н. А.* Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков и донское казачество. Ростов н/Д., С. 331–336, 347.

¹⁵⁰ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 535. Л. 50 об. – 51 об., 52 об. – 53, 61–61 об.

¹⁵¹ Дальнейшее отсутствие ссылок после приведённых примеров означает, что они даны в приложении 1.

¹⁵² РГВИА. Ф. 8. Оп. 5/94. Д. 72. Л. 1; *Мордовцев Д. Л.* Указ. соч. С. 87; *Дубровин Н. Ф.* Пугачёв и его сообщники. Т. 1. С. 107.

¹⁵³ *Овчинников Р. В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачёвым и его сподвижниками. С. 103; *Он же.* Из комментариев к «Замечаниям о бунте» С. 27–28, 37, прим. 8; *Емельян Пугачёв на следствии.* С. 92–93, 187; *Мавродин В. В.* Крестьянская война 1773–1775 гг. С. 232; *Он же.* Рождение новой России. С. 416; *Эйдельман Н. Я.* Твой 18-й век. Прекрасен наш союз... С. 114–115; *Он же.* Из потаённой истории России XVIII–XIX веков. С. 195.

¹⁵⁴ *Чистов К. В.* Указ. соч. С. 171.

¹⁵⁵ *Овчинников Р. В.* Из комментариев к «Замечаниям о бунте». С. 27.

¹⁵⁶ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 535. Л. 22, 24.

¹⁵⁷ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 402. Л. 9, 12 об., 15 об., 22–22 об., 35–35 об., 41, 44, 46 об., 54 об., 180–180 об.

[с. 349]

-
-
- ¹⁵⁸ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 406. Л. 3, 12, 14, 15, 17–17 об., 19–19 об., 32 об. – 33, 36, 40.
- ¹⁵⁹ РГВИА. Ф. 8. Оп. 5/94. Д. 72. Л. 4, 13.
- ¹⁶⁰ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 537. Л. 4 об., 64–66 об., 68, 69 об., 76 об.; РГВИА. Ф. 8. Оп. 5/94. Д. 462. Л. 12 об. – 14 об., 33, 39, 40, 63, 77–77 об., 80–80 об.
- ¹⁶¹ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2455. Л. 27 об. – 28, 29, 31 об., 37 об. – 38.
- ¹⁶² РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2744. Л. 95, 129 об.
- ¹⁶³ Там же. Л. 6 об., 30, 80, 98, 100 об. – 102, 113, 120–121 об., 122 об., 127 об., 129 об. – 130, 272 об. – 273, 276.
- ¹⁶⁴ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 538. Л. 5 об., 6 об., 9 об., 29 об.
- ¹⁶⁵ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 538. Л. 6 об. – 7, 25 об., 30 об., 32 об., 35 об.
- ¹⁶⁶ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 553. Л. 1 об., 16 об., 17 об., 18 об.
- ¹⁶⁷ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 535. Л. 24 об., 33, 35 об., 57 об.
- ¹⁶⁸ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2763. Л. 1, 6, 7; РГАДА. Ф. 349. Оп. 2. Д. 7472. Л. 9.
- ¹⁶⁹ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 542. Л. 3–3 об., 5 об. – 9.
- ¹⁷⁰ Емельян Пугачёв на следствии. С. 89, 117, 184; *Овчинников Р. В.* Манифесты и указы Е. И. Пугачёва. С. 89–91, 109, 150.
- ¹⁷¹ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 535. Л. 34 об.
- ¹⁷² См.: РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 404. Л. 5.
- ¹⁷³ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 403. Л. 12 об. – 13, 17–17 об., 36 об.
- ¹⁷⁴ РГАДА. Ф. 349. Оп. 2. Д. 7086. Л. 204, 329; Ф. 6. Оп. 1. Д. 401. Л. 4 об.; Ф. 349. Оп. 2. Д. 7086. Л. 335, 379 об.
- ¹⁷⁵ РГАДА. Ф. 349. Оп. 2. Д. 7199. Л. 2 об., 3 об., 4 об., 16, 17.
- ¹⁷⁶ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2744. Л. 242–244.
- ¹⁷⁷ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 554. Л. 6–6 об., 13–13 об.; *Мельников П. И.* Указ. соч. Отд. 3. С. 20–21.
- ¹⁷⁸ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 553. Л. 1 об., 13 об., 28–28 об.
- ¹⁷⁹ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 3302. Л. 1, 3–4.
- ¹⁸⁰ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2046. Ч. 2. Кн. 5. Л. 79 об. – 80 об.
- ¹⁸¹ *Дубровин Н. Ф.* Пугачёв и его сообщники. Т. 1. С. 260; *Овчинников Р. В.* Манифесты и указы Е. И. Пугачёва. С. 71, 150; *Он же.* Следствие и суд над Е. И. Пугачёвым и его сподвижниками. С. 38; Емельян Пугачёв на следствии. С. 104; *Маевродин В. В.* Рождение новой России. С. 402.
- ¹⁸² РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 537. Л. 64 об., 88; РГВИА. Ф. 8. Оп. 5/94. Д. 462. Л. 12 об., 41, 113 об., 119 об.
- ¹⁸³ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 528. Л. 7, 16.
- ¹⁸⁴ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 542. Л. 13 об., 21, 53, 55 об., 74, 75.
- ¹⁸⁵ См.: *Кельсиев В. И.* Указ. соч. Приложения. С. 17–28; *Айвазов И. Г.* Указ. соч. С. 2–71; *Мельников П. И.* Указ. соч. Отд. 3. С. 116–128; *Кутепов К.* Указ. соч. С. 153; *Овчинников М. П.* Олекминские скопцы // Сибирский архив. Иркутск, 1911. № 2. С. 83; РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 3083. Л. 24–24 об.
- ¹⁸⁶ *Овчинников Р. В.* Манифесты и указы Е. И. Пугачёва. С. 150.
- ¹⁸⁷ РГАДА. Ф. 349. Оп. 2. Д. 7086. Л. 142, 164.
- ¹⁸⁸ РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 308. Ч. 3. Л. 11 об., 13 об. – 14, 15 об.; *Мордовцев Д. Л.* Указ. соч. С. 311–312.
- ¹⁸⁹ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 541. Л. 17, 20 об.

¹⁹⁰ *Овчинников Р. В.* Из комментариев к «Замечаниям о бунте». С. 27.

¹⁹¹ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 537. Л. 63 об.; РГВИА. Ф. 8. Оп. 5/94. Д. 462. Л. 45–45 об., 60.

-
- ¹⁹² РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 538. Л. 10, 25, 32 об.
- ¹⁹³ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 535. Л. 24, 35 об.
- ¹⁹⁴ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 403. Л. 36 об.
- ¹⁹⁵ РГАДА. Ф. 349. Оп. 2. Д. 7086. Л. 142, 164–164 об., 380 об., 451 об.
- ¹⁹⁶ *Мавродин В. В.* Крестьянская война 1773–1775 гг. С. 248; *Он же.* Рождение новой России. С. 438–439.
- ¹⁹⁷ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 402. Л. 39, 42, 49, 59, 61, 103.
- ¹⁹⁸ Там же. Л. 89, 100 об., 103 об., 132 об., 136, 145 об., 158 об.
- ¹⁹⁹ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 542. Л. 15 об. – 16, 72 об. – 73.
- ²⁰⁰ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 553. Л. 2, 14, 15 об. – 17 об., 28–28 об.
- ²⁰¹ *Мордовцев Д. Л.* Указ. соч. С. 87–88; *Дубровин Н. Ф.* Пугачёв и его сообщники. Т. 1. С. 107–108.
- ²⁰² Емельян Пугачёв на следствии. С. 104; *Мавродин В. В.* Рождение новой России. С. 398, 401, 405–406.
- ²⁰³ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 404. Л. 4, 5.
- ²⁰⁴ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 402. Л. 23.
- ²⁰⁵ *Мордовцев Д. Л.* Указ. соч. С. 89–90, 92–93, 101–102; *Дубровин Н. Ф.* Пугачёв и его сообщники. Т. 1. С. 110, 120–123; РГВИА. Ф. 8. Оп. 5/94. Д. 72. Л. 15, 16 об., 84, 86–89, 99.
- ²⁰⁶ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 528. Л. 6.
- ²⁰⁷ Емельян Пугачёв на следствии. С. 71, 74–75, 159, 161–162; *Муратов Х. И.* Указ. соч. С. 30–31; *Мавродин В. В.* Рождение новой России. С. 401.
- ²⁰⁸ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2455. Л. 29 об., 34 об.
- ²⁰⁹ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 403. Л. 17–17 об.
- ²¹⁰ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 404. Л. 4, 5.
- ²¹¹ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 402. Л. 8 об., 35, 46 об.
- ²¹² РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 406. Л. 12–12 об., 15, 17 об.
- ²¹³ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2221. Л. 5–6.
- ²¹⁴ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2020. Л. 106–107.
- ²¹⁵ Емельян Пугачёв на следствии. С. 74–75, 89, 230, 265, прим. 129–133; *Мавродин В. В.* Рождение новой России. С. 399; *Овчинников Р. В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачёвым и его сподвижниками. С. 130.
- ²¹⁶ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 535. Л. 16–16 об., 23 об. – 24, 51–51 об., 52 об. – 53, 61–62.
- ²¹⁷ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 528. Л. 7.
- ²¹⁸ РГВИА. Ф. 8. Оп. 5/94. Д. 462. Л. 80.
- ²¹⁹ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2455. Л. 26 об. – 27, 29, 132 об., 134.
- ²²⁰ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2917. Л. 3, 7 об.
- ²²¹ *Мордовцев Д. Л.* Указ. соч. С. 312–313, 321–322; *Юдин П.* Указ. соч. С. 179–181; РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 308. Ч. 3. Л. 11.
- ²²² *Дубровин Н. Ф.* Наши мистики-сектанты. Т. 84. Октябрь. С. 33–34; *Мельников П. И.* Указ. соч. Отд. 1. С. 37–40; Отд. 2. С. 12–21; Отд. 3. С. 65, 68; *Кельсиев В. И.* Указ. соч. С. 63, 84; *Айвазов И. Г.* Указ. соч. С. 51, 54; *Кутепов К.* Указ. соч. С. 362–365.

- ²²³ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2744. Л. 23, 30 об. – 31 об., 73 об. – 74 об., 89–92, 93 об. – 94.
- ²²⁴ Там же. Л. 23 об., 31, 65, 74 об., 75 об., 84 об., 93 об. – 94 об., 118–118 об., 238 об. – 239.
- ²²⁵ РГАДА. Ф. 349. Оп. 2. Д. 7113. Л. 1–2.
- ²²⁶ РГВИА. Ф. 8. Оп. 5/94. Д. 72. Л. 1.
- ²²⁷ *Овчинников Р. В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачёвым и его сподвижниками. С. 75–78, 100, 109, 127; Емельян Пугачёв на следствии. С. 141–143, 222–226, 365–366, прим. 79, 81, 86, 96; *Мавродин В. В.* Рождение новой России. С. 397.

²²⁸ Мельников П. И. Указ. соч. Отд. 3. С. 63.

²²⁹ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2744. Л. 31 об., 280 об., 294–294 об.

²³⁰ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 554. Л. 4, 7 об.

²³¹ Мордовцев Д. Л. Указ. соч. С. 317; Юдин П. Указ. соч. С. 180–181; РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 308. Ч. 3. Л. 11, 16.

²³² РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2455. Л. 5, 6 об.

²³³ РГАДА. Ф. 349. Оп. 2. Д. 7086. Л. 6 об., 36–36 об., 149 об., 158 об., 199, 203 об. – 204, 205, 329, 343, 379 об., 383 об., 386, 389–389 об., 393 об., 395–395 об., 403 об., 480 об.

²³⁴ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 402. Л. 9–10, 23, 34 об. – 35, 39 об. – 40 об., 46, 73, 87 об., 96–96 об., 99, 106.

²³⁵ Мордовцев Д. Л. Указ. соч. С. 87, 99; Дубровин Н. Ф. Пугачёв и его сообщники. Т. 1. С. 107, 119–120, 122; РГВИА. Ф. 8. Оп. 5/94. Д. 72. Л. 32, 63–63 об., 87 об. – 89, 90–90 об., 91 об. – 92, 95 об. – 96, 98–98 об.

²³⁶ Емельян Пугачёв на следствии. С. 80, 83, 88, 115–116, 169, 185–186, 197–199, 201, 218; Чистов К. В. Указ. соч. С. 168; Мавродин В. В. Рождение новой России. С. 411, 432, 483–484; Овчинников Р. В. Следствие и суд над Е. И. Пугачёвым и его сподвижниками. С. 48, 79, 93, 120.

²³⁷ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 535. Л. 15 об. – 16 об., 23 об. – 24, 51–51 об., 52 об. – 53.

²³⁸ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 541. Л. 3 об., 10.

²³⁹ Дубровин Н. Ф. Наши мистики-сектанты. Т. 84. Октябрь. С. 35–38; Ноябрь. С. 18–19; Мельников П. И. Указ. соч. Отд. 3. С. 185–187; Майнов В. Н. Указ. соч. С. 762; Кутепов К. Указ. соч. С. 200–201.

²⁴⁰ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2455. Л. 26 об.; Ф. 6. Оп. 1. Д. 529. Л. 132 об. – 133, 134.

²⁴¹ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2744. Л. 1 об. – 2, 5 об., 24 об., 31 об., 79 об., 103 об. – 104 об., 138 об. – 139, 234–234 об., 237–237 об., 274, 280 об., 294–294 об.

²⁴² РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 537. Л. 76–76 об.; РГВИА. Ф. 8. Оп. 5/94. Д. 462. Л. 80.

²⁴³ РГАДА. Ф. 349. Оп. 2. Д. 7086. Л. 2–2 об., 6–6 об., 9 об., 11 об., 36 об. – 37, 39–40, 76, 142, 144–145, 150, 158 об. – 159, 160, 199, 203 об. – 204, 205, 206 об. – 207, 326 об., 329, 379 об., 382 об., 383 об., 386, 389–389 об., 393 об. – 394 об., 395–395 об., 402–404, 480 об., 482.

²⁴⁴ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 554. Л. 3 об., 6, 7, 13–13 об.; Мельников П. И. Указ. соч. Отд. 3. С. 20–21.

[с. 352]

²⁴⁵ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2221. Л. 4 об.

²⁴⁶ Айвазов И. Г. Указ. соч. С. 54; Мельников П. И. Указ. соч. Отд. 3. С. 85.

²⁴⁷ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2682. Л. 53 об.

²⁴⁸ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2763. Л. 3 об., 11 об.

²⁴⁹ РГАДА. Ф. 349. Оп. 2. Д. 7086. Л. 478–478 об.

²⁵⁰ РГАДА. Ф. 349. Оп. 2. Д. 7086. Л. 1–1 об., 3, 6 об. – 7, 9, 56–57, 147, 149, 327 об., 404, 482.

²⁵¹ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 402. Л. 9 об. – 10, 12 об. – 13 об., 36–39 об., 46–53, 72, 73, 91, 94, 97 об., 100 об., 107, 108, 110, 111 об., 114 об. – 115, 117 об., 119, 120 об., 124, 126, 131, 132, 134 об., 143, 145–145 об., 158 об., 159 об.

²⁵² РГВИА. Ф. 8. Оп. 5/94. Д. 72. Л. 1–4 об., 13–13 об., 78, 80 об. – 83, 86 об.; Мордовцев Д. Л. Указ. соч. С. 87, 89, 100; Дубровин Н. Ф. Пугачёв и его сообщники. Т. 1. С. 107.

²⁵³ Дубровин Н. Ф. Пугачёв и его сообщники. Т. 1. С. 259–265, 275–281; Овчинников Р. В. Следствие и суд над Е. И. Пугачёвым и его сподвижниками. С. 91–94, 97–98, 109, 115, 121, 132–133; Емельян Пугачёв на следствии. С. 13, 81, 83, 91, 100, 117, 169–171, 181, 184, 189, 231, 275, прим. 187; 277, прим. 203; Муратов Х. И. Указ. соч. С. 64–65, 122, 182; Мавродин В. В. Крестьянская война 1773–1775 гг. С. 225; Он же. Рождение новой России. С. 402, 407, 413, 428, 431, 435, 438, 448–449, 461–462, 466, 470, 475–476, 481–483, 485.

²⁵⁴ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 535. Л. 2 об., 6–6 об., 59–59 об.

²⁵⁵ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 528. Л. 6 об. – 7.

²⁵⁶ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 537. Л. 64–68; РГВИА. Ф. 8. Оп. 5/94. Д. 462. Л. 11–12 об., 21, 80–80 об., 119–119 об.

²⁵⁷ РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 308. Ч. 3. Л. 11 об., 12 об., 14–16 об.; *Мордовцев Д. Л.* Указ. соч. С. 315, 319; *Юдин П.* Указ. соч. С. 180, прим. 1.

²⁵⁸ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2455. Л. 24–25, 28–29 об., 40 об.; Ф. 6. Оп. 1. Д. 529. Л. 126 об., 132 об. – 133.

²⁵⁹ *Дубровин Н. Ф.* Наши мистики-сектанты. Т. 84. Октябрь. С. 39; Ноябрь. С. 22, 27; *Кельсиев В. И.* Указ. соч. С. 171–172; *Кутепов К.* Указ. соч. С. 120, 198, 200–206, 210, 217–219, 421; *Мельников П. И.* Указ. соч. Отд. 3. С. 48, 50–51, прим. 54; 57–58, 187–188.

²⁶⁰ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 542. Л. 4 об. – 5, 7 об., 16–18.

²⁶¹ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2744. Л. 1–1 об., 79 об., 85 об.

²⁶² *Чистов К. В.* Указ. соч. С. 167; *Мавродин В. В.* Рождение новой России. С. 462; Емельян Пугачёв на следствии. С. 100; *Дубровин Н. Ф.* Наши мистики-сектанты. Т. 84. Октябрь. С. 35, 38; *Мельников П. И.* Указ. соч. Отд. 3. С. 43–46.

²⁶³ РГАДА. Ф. 349. Оп. 2. Д. 7086. Л. 2, 6, 149–149 об., 343, 381 об.

²⁶⁴ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 528. Л. 6–7, 16–17.

²⁶⁵ *Айвазов И. Г.* Указ. соч. С. 44.

²⁶⁶ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 554. Л. 13–13 об.; *Мельников П. И.* Указ. соч. Отд. 3. С. 20–21.

²⁶⁷ *Мавродин В. В.* Крестьянская война 1773–1775 гг. С. 68; *Он же.* Рождение новой России. С. 477; *Пушкин А. С.* Указ. соч. С. 122. В этой связи выглядит неслучайным появление преданий о неуязвимости Е. Пугачёва (см.: *Мордовцев Д. Л.* Указ. соч. С. 170–171, прим.).